

АННА МАЧИЗ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ТРАГЕДИИ И БОРЬБЫ В МИНСКОМ ГЕТТО 1941–1943 гг.

Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг.

IBB Internationale Bildungs- und Begegnungsstätte
Минский международный образовательный центр

IBB Internationales Bildung- und Begegnungswerk

GM Geschichtswerkstatt Minsk
Гістарычная майстэрня ў Мінску

Минский международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау
Дортмундский международный образовательный центр
Историческая мастерская ММОЦ имени Йоханнеса Рау

Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг.

Минск
Издатель Логвинов И. П.
2011

УДК 329.18:179.8(476-25)(063)

ББК 607.409(4Бей)

М62

Редакция:

Директор Минского международного образовательного центра,

канд. филол. наук В.Ф. Балакирев

Руководитель Дортмундского международного образовательного центра

Петер Юнге-Вентруп (Германия)

Председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин

Л.М. Левин

Председатель наблюдательного совета, профессор Манфред Цабель (Германия)

Рецензент

доктор ист. наук, профессор В.К. Коршук

Мачиз, А.

К62 Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг. / сост. Л. Цыринский; под ред. К.И. Козака. – Минск : И.П. Логвинов, 2011. – 000 с.

ISBN 978-985-6991-00-0

Документальные свидетельства бывшей узницы Минского гетто, подпольщицы и партизанки Анны Мачиз с малоизвестными страницами истории трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг. воспроизведены после ликвидации нацистами одного из наиболее крупных в Европе Минского гетто в конце 1943 г. В качестве дополнений представлены документальные материалы, статьи и фотоиллюстрации.

Книга предназначена для историков, специалистов и круга лиц, интересующихся вопросами истории Холокоста.

УДК 329.18:179.8(476-25)(063)

ББК 607.409(4Бей)

ISBN 978-985-6991-00-0

© Составитель Леонид Цыринский

© Историческая мастерская Минского международного образовательного центра имени Йоханнеса Рау, 2011

© Издатель ИП Логвинов И. П., 2010

Содержание

РАЗДЕЛ 1. Минское гетто: история, память, культура	5
Возвращение долга	5
Кузьма Козак. Трагедии Минского гетто: первые свидетельства узницы, подпольщицы, партизанки Анны Мачиз	7
<i>Восприятие образа Минского гетто</i>	7
<i>Свидетели и их свидетельства</i>	8
<i>Преодоление прошлого через память</i>	9
Э.Г. Иоффе. Женщина из легенды: следователь уголовного розыска НКВД БССР – летописец подполья в Минском гетто	11
РАЗДЕЛ 2. Минское гетто в памяти Анны Мачиз	23
Дополнение к воспоминанию Анны Семеновны Мачиз (Левиной) ...	55
РАЗДЕЛ 3. Публикации и документы	63
Публикации	63
<i>Анна Мачиз</i>	63
<i>Из воспоминаний 1981 года бывшей узницы Минского гетто Анны Мачиз</i>	67
<i>Равеснік вайны</i>	67
Документы	69
<i>Распоряжение полевой комендатуры о создании гетто в г. Минске</i>	69
<i>Из сообщения № 31 полиции безопасности и СД о создании еврейского совета (юденрата)</i>	70
<i>Из оперативной сводки № 92 полиции безопасности и СД о проведении истребительной акции в Минском гетто</i>	71
<i>Приказ № 24 коменданта Белоруссии об уничтожении евреев и цыган</i>	72
<i>Из сообщения № 178 полиции безопасности и СД об антиеврейской акции в г. Минске</i>	72
<i>Из обзора комиссара криминальной полиции оберштурмфюрера Буркхардта о положении немецких евреев в Минском гетто</i>	74
<i>Протокол осмотра местности массовых захоронений в районе еврейского кладбища г. Минска</i>	76
Список публикаций о Минском гетто	77

*Посвящается
милой тете Анне Семеновне Мачиз
(18.12.1910 – 28.08.1988)
и маме Анне Исааковне Цыринской
(20.09.1914 – 27.11.1987)*

Минск, 2011 год

РАЗДЕЛ 1. Минское гетто: история, память, культура

Возвращение долга

Эта небольшая книга – дань памяти двум дорогим моему сердцу женщинам: милой тете Нюре (Анне Семеновне Мачиз) и ее сестре (моей маме) – Анне Исааковне Цыринской.

Обе они прожили нелегкую жизнь. Хотя судьбы их сложились по-разному, сестры никогда не упускали друг друга из вида. Моя мама родилась в сентябре 1914 года. В 1915 году погиб на Первой мировой войне ее отец – Исаак Кугель. С 1916 года моя мама жила в семье А.С. Мачиз вплоть до своего замужества в 1934 году. В 1935 году родилась моя сестра Софья Цыринская, а 16 мая 1941 года родился я.

Жила наша семья в то время в городском поселке Руденск. Мой отец Абрам Ефимович Цыринский работал директором конторы «Заготскот», а мама была домохозяйкой.

С началом Великой Отечественной войны семья эвакуироваться не могла, так как отец должен был сначала эвакуировать скот вглубь страны и только потом решать свою судьбу и судьбу своей семьи. Но этого, к сожалению, не произошло, так как слишком быстро Руденск был захвачен фашистами. Отцу пришлось скрываться. В декабре 1941 года нашелся предатель, который выдал его, и отца расстреляли в деревне Титва.

Мама с двумя малолетними детьми (мной и моей сестрой) в конце августа 1941 года оказалась в Руденском гетто. С ней еще была сестра мужа – Дора Фрид с трехлетним сыном.

В конце сентября 1941 года, накануне погрома, который состоялся 10 октября этого же года, ей с сестрой мужа и всеми тремя детьми удалось уйти из гетто.

Они добрались до Минска и там опять оказались в гетто. Скрывались по улице Шорной до середины января 1942 года. Им удалось выйти из гетто и с помощью немецких паспортов, которые им помогла достать А.С. Мачиз, добраться до деревни Валоки возле Радошкович. Скрывались мы в Валоках до июля 1944 года. Затем вернулись в городской поселок Руденск.

После войны А.С. Мачиз разыскала нас и уже не оставляла без внимания: всегда как могла, поддерживала нас. С апреля 1974 года, после смерти ее супруга Исаака Наумовича Левина, моя семья и Анна

Семеновна жили в одной квартире до последних дней ее жизни. Эта женщина была очень честным, порядочным, скромным человеком и грамотным юристом. О своем прошлом никогда не рассказывала. Я знал, что она была знакома с писателями Василием Гроссманом, Ильей Эренбургом и Давидом Гаем, дружила с Григорием Смоляром (после его отъезда из СССР вела с ним переписку), Розой Липской, Саррой Левиной, Наумом Фельдманом, Ароном Фитерсоном. В то время никто из нашей семьи не знал, что они были подпольщиками в гетто с 1941 по 1943 г.

Я никогда не забуду доброты и заботы Анны Семеновны. Она была для меня и моей сестры второй мамой.

г. Минск, сентябрь 2011 г.

Леонид Цыринский

Кузьма Козак

Трагедии Минского гетто: первые свидетельства узницы, подпольщицы, партизанки **Анны Мачиз**

Восприятие образа Минского гетто. Образ Минского гетто в немалой степени зависит от чувственного восприятия трагедии. Свидетели и историки по-разному объясняют произошедшее гибели около 80 тыс. евреев. В представлениях много общего, но и немало вопросов от исчезающей реальности событий. Например, слова о трагедии Минского гетто **Анны Мачиз** обозначены как главное в истории Великой Отечественной войны. Времени, которое привнесло в судьбы миллионов неумолкающую боль. Увиденное и осязаемое, воссозданное и написанное ею на страницах трагического 1943 года. Года ликвидации евреев Минска и депортированных евреев из Европы. Года, когда остатки выживших узников находились в спасительной среде партизан и подпольщиков. Уже здесь их ожидала главная цель – сразаться с нацизмом до его уничтожения. Он смертный враг и его необходимо уничтожить. Вот почему после борьбы в гетто за жизнь, записанное приобретает несколько иной смысл. Тут нет растерянности и слабости. Есть вера и надежда, что придет победа и потери были не напрасны. Это слова победителей. Но в них узнаваемы огромное пространство неуверенности, страха, предательства, потерь родных и близких.

Это одни из первых слов о Минском гетто записанные в 1943 г. Записанные, повторяемые при расспросах их будут повторять великие публицисты, историки, даже порой свидетели имеющие представление о трагедии. Правда, порой не ссылаясь на автора. После войны ее тексты покоились в архивах Комитета государственной безопасности, Центральном партийном архиве Компартии Беларуси, затем в Национальном архиве Республики Беларусь. На них ссылались историки из Германии, Израиля, Америки и Беларуси. Но сейчас один из оригинальных текстов опубликован.

История его создания и сохранения завораживает. Первоначально он появляется в партизанском отряде, затем переписан для архива НКВД, храниться попеременно в партийном и государственном архивах. Но один из текстов после смерти **Анны Мачиз** бережно храниться у племянника **Леонида Цыринского**. Востребованность важной информации, появление в печати воспоминаний и документальных материалов бывших узников Минского гетто, их анализ в среде историков, а затем после 2008 года возросшая потребность государственных органов, в частности в системе образования Республики Беларусь, представления примера борьбы и выживания узников гетто для воспитательного

процесса молодежи, диалога поколений, государств – вчерашних союзников и врагов усилили желание представить документы для общественного прочтения. Этому способствовал и вечер в Исторической мастерской, посвященный 100-летию Анны Мачиз. Он прошел с участием историков и представителей общественности Беларуси и Германии. Заинтересованность в прочтении малоизвестных документов о Минском гетто, переводе текста на немецкий язык с помощью студентов Минского государственного лингвистического университета способствует межкультурным коммуникациям.

Свидетели и их свидетельства. Книга «Мстители гетто» бывшего узника Гирша **Смоляра** вышла сразу после войны в 1947 г.¹ Она сфокусировала внимание на традиционном характере войны – сопротивлению узников, борьбе еврейских партизан и подпольщиков. Одновременно с этим на историческом месте «Яме», где нацистами было организовано массовое уничтожение евреев 2 марта 1942 г. формируется, пожалуй, первое в Беларуси гражданское сообщество бывших узников Минского гетто. Но вскоре с государственным антисемитизмом их коллективная память обретет позицию умолчания. Лишь в 1990-х годах, когда в Беларуси обозначились политические перемены, память о Холокосте для немногочисленных выживших свидетелей катастрофы представляла в ожидании перемен. Сначала историки и их представления обозначили формы Холокоста². Затем свидетельства Михаила **Трейстера**, – бывших узников Минского гетто о характере сопротивления³, Галины **Давыдовой**, Симы **Марголиной**, Майи **Крапиной** и других о выживании в условиях массового убийства⁴. Наряду с этим документы и материалы из

¹ Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947; Смоляр Г. Менскае гета: барацьба савецкіх габрэяў-партизан супраць нацыстаў. Мінск, 2002; Smolar H. The Minsk Ghetto. Soviet-Jewish Partisans Against the Nazis. New York, 1989.

² Купрэва Г. Мінскае гета: схаваная праўда // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 2. С. 46–51; № 3–4. С. 62–67; Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах / Автор–сост. Р.А. Черноглазова. Минск, 1999; Иоффе Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945. Минск, 2003; Мінскае гета 1941–1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэрыялы міжнар. навук. канф., 24 кастрычніка 2003 г. Мінск / Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мінск, 2003; Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто / Отв. ред. К.И. Козак. Пер. с нем. Г.А. Скакун. Минск, 2007. – 154 с.

³ Гальбурт А. Выживший в аду. Незабываемое. Минск, 2003. – 140 с.; Родзинский Г. Дети гетто. Тель-Авив, 2004; Известная «Неизвестная». Сборник материалов. Сост. и ред. Я.З. Басин. Минск, 2007. – 138 с.; Трейстер М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis... Erinnerungen, Überlegungen und Publikationen / Отв. ред. К.И. Козак. Выпуск четвертый. Минск: Историческая мастерская, 2007. – 242 с.;

⁴ Давыдова Г.Р. От Минска до Ла-Манша или дорогами Холокоста: Док. повесть. 2-е изд. Минск, 2001. – 232 с.; Жива... Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и док./сост. М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман. Выпуск второй. Минск: Историческая мастерская, 2005. – 258 с. +26 с ил.; Завольнер Г. Жизнь дарованная судьбой. Книга воспоминаний бывшей узницы Минского гетто. Минск, 2004. –

семейных архивов обрели живучесть. Среди таковых документальность дочери и матери Клары (Лели) и Берты Брук, Рахили Рапопорт, Берты Меломед и Хаси Пруслино⁵й. В совокупности коллективной памяти трагедии еврейского народа Беларуси – опубликованные страницы в США и Израиле⁶. Явно видны штрихи памяти зарубежных свидетелей трагедии Минского гетто – две небольшого формата книги из Германии⁷. Это при такой масштабности содеянного, так мало представлено для памяти истории трагедии Минского гетто.

Книга Анны Мачиз это еще одна попытка приблизиться к теме памяти. В ней и сухие столбцы слов пережитого, и крепкая печаль представления потерь. Отчасти уже знакомые события, но тем не менее не всегда совпадают с бытующими мнениями о характере трагедии и борьбе против нацистов. Пожалуй, партизанская среда для автора текста формирует представления о немецком фашизме, позволяет наносить точные данные об участниках сопротивления. В этом одно из преимуществ документа. Найти совсем недавние образы живых и погибших в гуще событий военной поры – Эммы Родовой, Киркиешты, Михаила Гебелева, Матвея Пруслина, Гирши Смоляра, Хаси Пруслиной и других весьма значимо для истории.

Преодоление прошлого через память. Образ Минского гетто узнаваем через немногочисленные документальные представления. Он один из самых трагичных в Европе. Но он мало узнаваем через фамилии, лица на фотографиях, записанные воспоминания, сохраненные документы. Их не собирали долге время, а живущих свидетелей трагедии и борьбы в Минском гетто осталось немногим более ста человек. Историки занялись изучением других тем, ставив для этого малоинформационное

92 с.; Завольнер Г., Гальперина Р. Спасенные из ада. Жизнь и судьба. Выпуск первый. Минск: Историческая мастерская, 2004. – 136 с.; Завольнер Г., Каплинский С. Судьбой написанные строки. Минск, 2007. – 152 с.; Краснапёрка Г. Пісьмы маёй памяці. Мінск, 1984; Левина-Крапина М.И. Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто. Минск, 2008. – 148 с.; Марголина С.М. Остаться жить. – Минск: Натако, 1997. – 67 с.; Марголина, С.М. Остаться жить. – Минск: А.П. Логвинов, 2010. – 117 с.; Кроз В., Чауская-Ильяшова З. Навечно в памяти: Минское гетто – и жизнь, и слезы, и любовь... Выпуск шестой. Минск: Историческая мастерская, 2007. – 70 с.; Krasnoperko A. Briefe meiner Erinnerung. Mein Überleben im jüdischen Ghetto von Minsk 1941/42. Haus Villigst, 1991.

⁵ Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто /сост., предислов.: И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев. Минск, НАРБ, 2008. – 166 с.: ил.; Когда слова кричат и плачут: Дневники Ляли и Берты Брук. – Минск, 2004; Wenn Worte schreien und weinen. Tagebücher der Ljalja und Berta Bruk. Dortmund, 2008.

⁶ Рубенчик А. Правда о Минском гетто: Док. повесть узника гетто и малолет. партизана. – Тель-Авив, 1999. – 192 с.; Gavi J. Young hero of the Minsk Ghetto. Paducah, 2000; Epstein B., The Minsk Ghetto 1941–1943: Jewish resistance and Soviet internationalism, University of California Press, 2008.

⁷ Loewenstein K. Minsk, im Lager der deutschen Juden. Bonn, 1961; Rosenberg H. Jahre des Schreckens. ...und ich blieb übrig, das ich Dir's ansage. Göttingen, 1985.

поле. Попытка аспиранта из БГУ Сергея **Тукало** дважды в 2008 и 2010 гг. преодолеть барьер недоверия в высоких научных кругах окончилась неудачей. Другому израильскому исследователю Геннадию **Виннице** об истории Холокоста на территории Восточных областей Беларуси также пришлось оставить надежду на присуждение научной степени Высшей аттестационной комиссией. Так что в среде историков накопилось больше вопросов чем ответов. Да и время памяти уже не вернуть, чтобы сверить сказанное. Таким пространством в центре Минска представляется бывшее еврейское кладбище, где в четырех захоронениях покоится более пяти тысяч жертв из Беларуси, Германии, Австрии, Чехии. Пока там нет фамилий. Еще таким же малоизвестным остается лагерь смерти Тростенец, куда вывозили для уничтожения большинство из гетто и города Минска. Истории мало повествуют о Дроздах, Масюковщине, лагере СД на Широкой, депортациях узников в лагерь смерти Освенцима, Майданека, Трешлинка. В большей степени Минское гетто притягивает прохожего через истории о депортации в Минское гетто евреев из Европы. Они практически все были уничтожены, но восстановлены имена и постепенно возвращается информация в Минск из Гамбурга, Бремена, Дюссельдорфа, Берлина, Кельна, Бонна, Эссена, Вены о каждом из них. Такая попытка семьи Леонида **Цыринского** с помощью семейного архива рассказать о главном и пережитом одной из участниц трагедии Минского гетто может быть только принята с благодарностью и уважением.

Э. Г. Иоффе. Женщина из легенды: следователь уголовного розыска НКВД БССР – летописец подполья в Минском гетто

В этом году исполнилось 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны и 66 лет Великой Победы над германским нацизмом. Одной из тех, кто отважно боролся с нацизмом, была минчанка Анна Мачиз (Левина) (1910–1988).

Всему миру известна «Черная книга». Эта книга оплакивает трагическую судьбу миллионов евреев, подвергшихся кровавому геноциду и зверскому уничтожению, ставших прахом в годы Великой Отечественной войны. Над созданием этой книги работали советские писатели Василий Гроссман и Илья Эренбург.

«История Минского гетто» из «Черной книги» потрясает читателей до глубины души. Она создана на материалах А. Мачиз, Гречаник, Л. Глейзер, П.М. Шапиро) и подготовлена к печати Василием Гроссманом. Тщательный анализ и сопоставление текстов «Истории Минского гетто» и экземпляров воспоминаний Анны Мачиз (напечатанных на машинке), хранящихся в Центральном архиве КГБ Республики Беларусь и Национальном архиве Республики Беларусь, проведенный автором этих строк, позволяет сделать вывод, что в основу «Истории Минского гетто» легли именно воспоминания Анны Мачиз, написанные ей в Налибокской пуще в декабре 1943 года. Именно благодаря этим воспоминаниям Василия Гроссмана по праву считают первым летописцем истории Минского гетто, потому что она была подготовлена к печати раньше, чем всемирно известная книга Г. Смоляра «Мстители гетто».

Читателям, интересующимся деятельностью антифашистского подполья в Минском гетто, хорошо известны имена его руководителей и активных подпольщиков: Михаила Гебелева, Григория Смоляра, Якова Киркоешта, Натана Вайнгауза, Матвея Пруслина, Григория Рубина, Самуила Каждана, Абрама Налибокского, Наума Фельдмана, Розы Липской, Енты Майзлес, Залмана Окуня, Михаила Миркина, Льва Гуревича (Гурвича), Михаила Кагана, Ханана Гусинова, Наума Бурштына (Брускина), Абрама Шляхтовича, Евеля Рольбина, Моисея Левина, Бориса Хаймовича, Вульфа Лосика, Хаси Пруслиной, Льва Кулика, Сарры Левиной, Ципы Ботвинник, Иосифа Минделя, Эммы Родовой, Давида Герцига (Женьки).

Однако мало кому известно, что в состав антифашистского подполья в Минском гетто, которое по последним данным насчитывало около 330 человек, в 1941–1943 годах входила Анна Мачиз, которая бежала

из гетто и в 1943–1944 годах приняла активное участие в партизанском движении на территории Беларуси.

К сожалению, в книге «Мінскае антыфашысцкае падполле» Анна Семеновна Мачиз числится в списке лиц, которые проходят по документам Национального архива в связи с деятельностью Минского подполья [1, с. 163].

Несмотря на то что после окончания Великой Отечественной войны об истории Минского гетто и белорусских евреях-партизанах в Беларуси и за рубежом написаны сотни работ, жизнь и деятельность Анны Мачиз освещены крайне недостаточно.

Что мы знаем об этом человеке?

Ответить на этот вопрос помогут архивные материалы, в первую очередь фонды Национального архива Республики Беларусь, некоторые сохранившиеся материалы, написанные рукой А. Мачиз, из семейного архива ее племянника Л.А. Цыринского, а также воспоминания людей, близко знавших Анну Семеновну и встречавшихся с ней.

Анна Семеновна Мачиз (Левина) родилась 18 декабря 1910 года в Минске в семье железнодорожного служащего. Ее отец всю жизнь проработал в отделах лесных заготовок железной дороги и умер в 1932 году. Мать была домохозяйкой.

После окончания средней школы с 1 июля 1927 года по 28 августа 1928 года Анна Семеновна работала техническим работником, делопроизводителем и секретарем прокуратуры Бобруйского округа.

В 1928 году Мачиз поступила на первый курс Минского юридического института, который закончила в 1931 году.

С сентября 1931 года по декабрь 1932 года она работала следователем прокуратуры Мозырского района.

О дальнейших событиях своей жизни Анна Семеновна в автобиографии писала так:

«Была направлена на работу (в 1931 году. – Э.И.) следователя в г. Мозырь, а оттуда, в связи с переводом моего мужа в г. Ленинград, уехала туда же и работала следователем Нарвского района г. Ленинграда (в 1932–1933 годах. – Э.И.).

В 1933 году вернулась в Минск, где работала следователем до 1941 года, точнее до начала Великой Отечественной войны».

Из личного листка по учету кадров А.С. Мачиз узнаем, что с октября 1933 года по ноябрь 1936 года она работала в органах милиции Белорусской ССР следователем уголовного розыска НКВД БССР и за хорошую работу («За борьбу с преступностью») в 1936 году была награждена именными часами.

В 1936 году Анну Семеновну назначили старшим следователем прокуратуры города Минска, а в марте 1940 года – следователем по важнейшим делам (позже эта должность именовалась так: следователь по особо важным делам. – Э.И.) Прокуратуры БССР.

Когда началась Великая Отечественная война, А.С. Мачиз работала именно на этой должности.

В автобиографии Анны Семеновны есть такие строки:

«Вместе с больной матерью пешком уходили из Минска, но были захвачены немцами на оккупированной территории.

В 1943 году после смерти моей матери ушла в партизанский отряд в Барановичскую область. Была в отряде № 106 и в бригаде имени Жукова: бойцом, начальником особого отдела отряда и зам. начальника особого отд. бригады.

После возвращения в город Минск вступила в исполнение своих довоенных обязанностей – следователя по важнейшим делам прокуратуры БССР. Проработала до конца 1945 года в связи с тяжелым состоянием здоровья возбудила ходатайство о своем освобождении от работы из органов прокуратуры.

С октября месяца 1945 года по настоящее время работаю в газете «Зорька» [2].

Каждый, кто внимательно прочтет воспоминания Анны Семеновны, написанные в декабре 1943 года в Налибокской пуще, поймет, что Мачиз несомненно входила в состав антифашистского подполья в Минском гетто. Ведь такие детали и подробности о возникновении и деятельности этого подполья, особенно в ее воспоминаниях 1943 года, до выхода книги Г. Смоляра «Мстители гетто», могла знать только активная подпольщица.

Если быть объективными, то есть все основания констатировать, что в воспоминаниях А. Мачиз 1943 года впервые дана краткая история Минского гетто. В том числе краткая история подполья этого гетто. Принципиально важно, что многие события раскрываются в хронологическом порядке.

В дополнении к ее воспоминаниям 1981 года указано, что одним из руководителей десятки (подпольной группы) в Минском гетто был Рубенчик. (В «Черной книге» он ошибочно проходит под фамилией Рубеник. – Э.И.) Но ведь этой фамилии нет в списке руководителей подпольных групп, действовавших в гетто города Минска 1941–1944 годов [3, с. 213–214].

Немало нового содержится в неопубликованной рукописи «Дополнения к воспоминаниям Анны Семеновны Мачиз (Левиной), написанной

20 ноября 1981 года и хранящейся в семейном архиве ее племянника Л.А. Цыринского.

Здесь воссозданы неизвестные и малоизвестные страницы истории антифашистского подполья Минского гетто, особенно деятельности Михаила Гебелева и Григория Смоляра.

В этом документе есть такие строки:

«...Под руководством Мушкина (первого председателя юденрата Минского гетто. – Э.И.) (убит) (в ссылке Мачиз отмечает: «И. Мушкин арестован в феврале 1942 года. Его выдали предатели Эпштейн, Розенблат. Арестован, посажен в тюрьму. Долго пытали. Мучили. Убит при попытке к бегству»), Серебрянского (начальник милиции, повешен) была организована помощь партизанским отрядам: теплую одежду, меха, обувь, пишущие машинки, канцелярские принадлежности, белье, маскировочные халаты, носки (моя мать вязала в подвале), бинты, медикаменты, даже хлеб, который пекли в пекарне гетто, которую охраняли полицейские, и все же удавалось вынести оттуда. Все это переправлялось в партизанские отряды.

Роль И. Мушкина была тяжела. С одной стороны, он создавал видимость выполнения требования фашистов, а с другой – делал все зависящее от него, чтобы помочь партизанам.

Нашелся предатель, выдал Мушкина и Серебрянского. Погибли...

Общая партийная конференция (представителей подполья Минска в конце ноября 1941 года. – Э.И.) постановила партийную организацию строить по принципу десятков. Десятки образовывались по личному знакомству и рекомендации. Секретари десятков были связаны с уполномоченным своей зоны. Было всего четыре зоны и гетто – одна из зон.

Благодаря связям с работниками из юденрата удалось распределять людей так, чтобы они работали на таких предприятиях, где можно раздобыть оружие. Фельдман (Наум. – Э.И.) занимался тем, что находил возможность получить оружие. Его предали, но не знали какого Фельдмана искать. Вновь назначенный председатель юденрата Иоффе никого не выдал. По-прежнему в рабочие колонны вливались люди, которые попадали на предприятия, где можно было раздобыть оружие.

С помощью работников юденрата и охраны порядка людей переводили в колонны «специалистов», чтобы пристроить их на предприятия. Был брошен призыв «Вооружайтесь!». Шла торговля у проволоки гетто, подкупались полицейские: за оружие (винтовки, револьверы, гранаты) им платили часами, золотыми монетами, костюмами. Люди увереннее чувствовали себя с оружием, могли оказывать сопротивление. Каменщик Михаил Рудицкий приобрел винтовку. Портной Наум,

работающий в мастерской при немецкой полиции, не расставался с большими ножницами и при удобном случае пускал их в ход...

Главным образом голодали коммунисты, которые не выходили на работу. Благодаря связям с советскими людьми из юденрата, удалось распределить людей с наибольшей выгодой для борьбы с фашистами. Группа молодежи была послана на предприятия. Был выделен руководящий центр.

Гетто получило возможность отправлять людей в партизанские отряды. Встала задача: отобрать людей наиболее боеспособных, военно-подготовленных, чтобы энергично собирать оружие, медикаменты, готовить врачей для отправки их в отряды; создать фонд помощи умирающим от голода узникам гетто.

Из контрибуции, налагаемой на узников гетто, большая часть была передана в городской комитет для нужд партизанских отрядов...

Наладилась связь с бригадами им. Сталина, им. Чкалова, с отрядом им. Буденного. Командир Семен Ганзенко посылал детей, которые были в отряде, в гетто, и они выводили из него людей. 12-летний Бенья (фамилия не установлена; пал смертью героя с кровавым фашизмом) вывел из гетто более 100 человек...» [4, с. 2–4, 7–8].

В 1942 году активная подпольщица Минского гетто Софья Садовская работала заведующей жилотделом юденрата этого гетто. В беседе с автором этих строк она рассказала о деятельности антифашистского подполья в Минском гетто. Разговор зашел об Анне Мачиз. И тогда я спросил: «А она была подпольщицей?». «Да, была», – ответила Садовская.

После этого я задал второй вопрос: «Почему Вы ничего не написали о ней в своих воспоминаниях «Искры в ночи», опубликованные в 1970 году в книге «Сквозь огонь и смерть».

Софья Садовская сразу ответила: «Просто забыла, – а потом добавила: – Что она была подпольщицей, может подтвердить Сарра Левина».

Об участии Анны Мачиз в деятельности Минского антифашистского подполья мне также рассказывала в 1992 году один из первых исследователей истории Минского гетто, ученый-историк, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Академии наук БССР Анна Павловна Купреева.

Однажды Анна Семеновна почувствовала себя, как будто она голыми ногами идет по лезвию бритвы. Дело в том, что в один и тот же день она встретила в Минском гетто двух человек, чьи уголовные дела она вела, работая в Прокуратуре БССР до Великой Отечественной войны. Один из них, Зяма Серебрянский, командовал в гетто еврейской полицией, а второй, бывший кассир Монисов, был рядовым узником гетто.

В интервью писателю Давиду Гаю Анна Мачиз сказала:

«Такое мое счастье: в один день натолкнулась на обоих.

Серебрянский вынырнул из-за угла вместе со своими подручными и вырос передо мной. Бежать было поздно. Я обмерла. Хотя и знала, что он в гетто и такая встреча может произойти, внутренне оказалась к ней не готова. Естественно, не подала виду, что знаю его. Он тоже вздрогнул и отвернулся.

Зяма Серебрянский когда-то до войны жил недалеко от нас. Наши матери были знакомы. И надо же случиться: я, следователь Прокуратуры Белоруссии, участвовала в процессе над ним и его братом. Речь шла о растрате государственных денег. Братья пытались через мою маму уговорить меня помочь им избежать суда. Из этого, разумеется, ничего не вышло.

Освободился Серебрянский после отбытия наказания за пять дней до начала войны. В гетто он командовал еврейской службой охраны порядка. По малейшему поводу переходил на крик, размахивая палкой или плеткой – оружия ему и его «оперативникам» не полагалось. И вот ему-то я, коммунистка, бывший следователь, попалась на глаза.

Ладно бы этим день кончился. Так нет же. Увидел меня во дворе дома еще один тип. Мною ранее судимый, и тоже за растрату, кассир Монисов. Его я, впрочем, опасалась куда меньше Зямы: возможности у него не те. Мы с ним в одинаковом положении.

В доме у меня переполох, суета. Куда бежать от Серебрянского, где прятаться? Пока судили-рядили, пришла знакомая девушка, бывшая студентка юридического факультета, проходившая когда-то у меня практику. Отозвала меня в сторону. «Я к вам, Анна Семеновна, от Серебрянского. Просил передать – он ни в коем случае не злоупотребит своей властью, а если у вас возникнет нужда, чтобы дали ему знать, он поможет, так как он советский человек и не собирается мстить».

Вот как обернулось.

Уже позже узнала: Зяма установил связь с коммунистами гетто, помогал партизанам, передавал в отряды одежду и оружие. Он подсказывал людям, когда ожидаются «акции», так, что многие успевали спрятаться. А злобный вид был не более чем маска.

А вот от Монисова натерпелась...

Шастал по домам, вынюхивал, всюду разыскивал меня. Каждую ночь вынуждена была скрываться в новом месте. Потом донес в СД. Пришел запрос в юденрат: «Где находится Мачиз? Доставить ее в гестапо». Покопались в картотеке и ответили: «В списках не значится». Дело в том, что я при регистрации в юденрате записалась девичьей фамилией (скорее всего, речь идет о девичьей фамилии матери – Свириновская. – Э.И.).

Что происходило дальше? А дальше Монисов попал в облаву и погиб. Тогда я перестала прятаться.

Такое оно, гетто. Одни и под страхом смерти остаются порядочными. Другие на краю гибели пытаются счеты свести. Общая беда, конечно, сплачивает, но она же и разъединяет – правде надо смотреть в глаза. Кое-кто только о своей шкуре начинает заботиться, низкие инстинкты вылезают наружу...» [5, с. 178–179].

Документы Национального архива Республики Беларусь дают возможность проследить боевой путь Анны Семеновны Мачиз. Она стала партизанкой 106-го отряда партизанской бригады им. Сталина 4 апреля 1943 года [6, л. 3].

Затем Мачиз была переведена в партизанский отряд им. «25 лет ВЛКСМ» бригады им. Г.К. Жукова, входящей в партизанское соединение Столбцовской зоны Барановичской области.

В марте 1944 года Анна Семеновна была назначена следователем Особого отдела бригады в этом отряде. Но в документе эта должность называлась «уполномоченный Особого отдела отряда».

Приведем фрагмент данного документа:

«Приказ

по партизанской бригаде им. Маршала СССР – Жукова

4 марта 1944 г. № 67

Н-ская пуща

Уполномоченным Особого отдела отряда им. 25 лет ВЛКСМ назначаю тов. Мачиз Анну Семеновну.

*Командир бригады им. Маршала СССР – Жукова
полковник (Василевич)*

*Комиссар бригады
майор (Гайсаров)*

*Нач. штаба бригады
капитан (Кайдалов)*

*Нач. особого отдела бригады
майор (Дудковский)» [7, л. 67].*

А через три месяца последовал новый приказ. Приведем фрагмент из этого документа:

«Приказ

по партизанской бригаде им. Маршала СССР – Жукова

12-го июня 1944 г. № 93

Н-ская пуща

Уполномоченного Особого отдела отряда им. 25 лет ВЛКСМ Мачиз Анну Семеновну от занимаемой должности освобождаю и назначаю

Заместителем Начальника Особого Отдела бригады по следственной части.

*Командир бригады им. Маршала СССР – Жукова
Полковник (Василевич)*

*Комиссар бригады
капитан (Кайдалов)*

*Нач. штаба
капитан Боженко» [8, л. 101].*

Что представляла из себя партизанская бригада им. Г.К. Жукова, действовавшая в Барановичской области?

Это было одно из наиболее боеспособных партизанских формирований области, на боевом счету которого имелись десятки успешных боевых операций против немецких оккупантов и их пособников.

Так, в феврале 1944 года партизаны-«жуковцы» подорвали 9 эшелонов противника, мост, повредили механические мастерские в депо станции Минск. В марте 1944 года совместно с партизанской бригадой «Комсомолец они разгромили вражеский гарнизон в городском поселке Мир, а июне-июле разрушили переправу через реку Сулла, в боях захватили 5 автомашин, пулемет, 100 винтовок, обоз, участвовали в «рельсовой войне» на железнодорожном участке Негорелое–Колосово.

В 1979 году в деревне Еремичи Кореличского района в честь бригады им. Г.К. Жукова поставлена стела.

Отвечая в 1953 году на 28-й вопрос личного листка по учету кадров: «Участвовал ли в боях во время гражданской или Отечественной войны?», Анна Семеновна написала: «В партизанских боях в бригаде им. Жукова» [8].

Дудковскому, Мачиз и другим сотрудникам Особого отдела бригады пришлось вести тяжелую и опасную борьбу с немецкими спецслужбами, особенно с абвером и полицией безопасности и СД.

Осуществляя борьбу с партизанским движением, нацисты активно использовали агентуру, насаждая своих негласных помощников в партизанских отрядах и среди местного населения. Нацистские спецслужбы засылали свою агентуру в партизанские отряды под видом бежавших из лагерей военнопленных, из еврейских гетто, перебежчиков из полиции, антисоветских военных формирований, под маской беженцев, погорельцев, бродячих нищих, горожан, прибывших в сельскую местность для обмена вещей на продукты питания, немецких солдат-антифашистов, не желающих воевать против СССР и решивших «перейти» на сторону партизан.

Немецкие лазутчики и диверсанты направлялись в партизанские отряды для проведения подрывной деятельности внутри партизанских

отрядов и бригад. Им давались задания любой ценой войти в доверие к партизанам и их командирам, собирать сведения о дислокации партизанских формирований, их численности и командном составе, вооружении, источниках снабжения, тактике борьбы, каналах связи с частями Красной Армии и населением, о партизанских аэродромах.

Часть агентуры имела задание совершать террористические акты (в отношении командного и политического состава отрядов и бригад) и даже массовое отравление, склонять неустойчивых бойцов к дезертирству, мародерству, насилию над населением и тем самым дискредитировать партизанское движение.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранится ориентировка, направленная 30 апреля 1944 года руководителем областной оперативно-чекистской группы при Барановичском подпольном обком партии полковником Д.М. Армяниновым начальникам особых отделов партизанских бригад Барановичского партизанского соединения. Приведем некоторые фрагменты этой ориентировки:

«Минская школа германской разведки, действуя под вывеской СБМ (Союз белорусской молодежи. – Э.И.), 10 апреля с. г. направила в Дзержинский, Ивенецкий, Кореличский и другие районы ряд своих агентов для разведывательной и диверсионной работы... Кроме того, 30 апреля из Минска должны выйти 12 человек шпионов, из них 3 мужчины, 9 женщин. С ними два ребенка: их взяли из приюта – мальчик двух-трех лет, девочка двух лет. Женщины имеют при себе медикаменты – йод, бинты, которые отравлены. Группы имеют задание вести диверсионную работу. Примите меры к задержанию» [9, л. 46].

В 1961 году во время работы в Архиве Октябрьской революции и социалистического строительства в Минске я случайно познакомился с бывшим командиром партизанской бригады им. Жукова Столбцовского партизанского соединения полковником Рафаилом Людвиговичем Василевичем. Завязалась беседа. Он начал рассказывать мне о действиях своей бригады в годы Великой Отечественной войны. Меня интересовала деятельность немецких спецслужб против партизан. Помню, он упомянул двух особистов бригады – Дудковского и Мачиз, благодаря которым были разоблачены и арестованы несколько немецких шпионов.

Боевые заслуги Анны Семеновны Мачиз отмечены орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «Партизану Отечественной войны» 2-й степени и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

С 1 августа 1944 года А.С. Мачиз работала следователем по важнейшим делам Прокуратуры Белорусской ССР. 10 октября 1945 года ей был присвоен классный чин советника юстиции:

«Выписка
из приказа прокурора Союза ССР

*гор. Москва № 1136
10 октября 1945 г.*

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16/IX – 3 г. «Об установлении классовых чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры» присвоить следующие классовые чины:

Советника юстиции

Мачиз Анне Семеновне – следователю по важнейшим делам Прокуратуры БССР

Прокурор Союза ССР К. Горшенин» [10].

У Анны Семеновны было звание подполковника юстиции.

Кроме того, она была награждена двумя Почетными грамотами ЦК ЛКСМБ.

Но принципиальная позиция беспартийного следователя (да еще еврейки) А.С. Мачиз по многим делам пришлось не по нраву руководству республики. Не надо забывать, что в 1944–1945 годах началась первая волна послевоенной политики государственного антисемитизма, которая проводилась во всем СССР, в том числе и в БССР. Анна Семеновна прекрасно это осознавала, не указывая, что в годы войны она находилась в Минском гетто. Вместо этого, отвечая на вопрос о нахождении на территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны (где, когда и работа в это время) в личном листке по учету кадров, Мачиз писала: «В г. Минске. 1941–1942 гг. Скрывалась и жила на нелегальном положении» [11].

Она понимала, что ей не дадут объективно, справедливо работать. Уже 27 сентября 1945 года Мачиз уволили из Прокуратуры Белорусской ССР:

«Выписка
из приказа прокурора Белорусской ССР

*гор. Минск № 129
26 сентября 1945 г.*

Тов. Мачиз Анну Семеновну с 27 сентября 1945 года освободить от работы следователя по важнейшим делам прокуратуры БССР и уволить из органов прокуратуры согласно подданного ею заявления.

*Прокурор Белорусской ССР
Государственный советник юстиции 2 класса
(И. Ветров)» [12].*

Правда, в своей автобиографии 1953 года Анна Семеновна объясняла причину своего увольнения из Прокуратуры «тяжелым состоянием здоровья и невозможностью оставаться на оперативной работе».

С октября 1945 года А.С. Мачиз работала литературным сотрудником, заведующей отделом писем республиканской газеты «Зорька», юристом на Минском станкостроительном заводе им. Кирова, в «Белторгснабе».

На ежегодных встречах партизан бригады имени Жукова Анна Мачиз неоднократно встречалась со своим боевым соратником и одновременно «начальником» – бывшим начальником особого отдела и одновременно заместителем командира партизанской бригады им. Жукова по разведке и контрразведке Петром Викентьевичем Дудковским (1917–1997), который после соединения партизанских бригад и отрядов с Красной Армией работал заместителем прокурора Барановичской области, заместителем, первым заместителем Прокурора БССР и одновременно начальником следственного управления Прокуратуры республики. Он приглашал Анну Семеновну вернуться на прежнюю работу, но она отказалась.

В 1948 году А.С. Мачиз была избрана депутатом Сталинского районного совета депутатов трудящихся.

В семейном архиве Л.А. Цыринского хранится интересный документ. Приведем его текст:

«Станкостроительный завод им. Кирова

Справка

Настоящая выдана Левиной Анне Семеновне в том, что она действительно работала на Минском Станкостроительном заводе им. Кирова в качестве юриста с 20 февраля 1954 года по 14 июня 1958 года и уволена в связи с переводом на работу в «Белторгснаб» для восстановления стажа» [13].

Анны Семеновны Мачиз не стало 28 августа 1988 года – на 78-м году жизни.

Несмотря на некоторую неполноту сведений о жизни и деятельности А.С. Мачиз, у нас есть многие основания прийти к выводу, что она была пламенной патриоткой, активной подпольщицей Минского гетто, отважной партизанкой, умелым контрразведчиком, объективным, справедливым следователем, интересным мемуаристом – настоящей женщиной из легенды.

Без мемуаров Анны Мачиз сегодня невозможно воссоздать полную, всестороннюю историю Минского гетто.

Вся жизнь и деятельность Анны Семеновны Мачиз достойны того, чтобы память об этом удивительном человеке навсегда осталась в наших сердцах.

Литература и источники

1. Мінскае антыфашысцкае падполле / аўт.-укл. *Я.І. Бараноўскі* [і інш.]. – Мінск, 1995.
2. Из автобиографии А.С. Мачиз, хранящейся в семейном архиве Л.А. Цыринского.
3. Мінскае антыфашысцкае падполле / аўт.-укл. *Я.І. Бараноўскі* [і інш.]. – Мінск, 1995.
4. Дополнение к воспоминанию Анны Семеновны Мачиз (Левиной). – 20.XI.1981 г.
5. *Гай, Д.* Десятый круг: повести / Д.Гай. – М., 1991.
6. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1450. – Оп. 5. – Д. 397. – Л. 3.
7. НАРБ. – Ф. 1399. – Оп. 1. – Д. 557.
8. Там же.
9. НАРБ. – Ф. 3500. – Оп. 21. – Д. 78.
10. Из семейного архива Л.А. Цыринского.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.

РАЗДЕЛ 2. Минское гетто в памяти Анны Мачиз

В черные годы царской России евреи на протяжении долгих лет пережили много испытаний, по существу они были бесправны.

Царизм строил свою политику на национальной розни. Нацменьшинства, к которым принадлежали евреи, были угнетены. Процветал антисемитизм, проводимый царскими чиновниками.

Евреи не имели права занимать ответственные должности, состоять на государственной службе, занимать офицерские чины в армии, заниматься земледелием, приобретать в собственность землю, леса.

Выбор профессий для представителей нацменьшинств был ограничен, в учебные заведения принималось только определенное количество евреев, строго соблюдалось их процентное соотношение с учащимися других национальностей.

Зажиточная часть еврейского населения заполняла пустующие свободные места в средних учебных заведениях (буржуазия обучала своих детей, главным образом, за границей).

Евреям строго запрещалось селиться в крупных городах, в черте оседлости. Будучи принуждены селиться в определенных местах евреи, ограниченные в выборе профессии, в основном селились на окраинах города, где занимались всевозможными ремеслами, огородничеством и торговлей.

Город Минск входил в черту оседлости. Еврейская беднота селилась на таких улицах, как Немига, Старо- и Новомясницкая, Замковая, Заславская, Сухая, Новоромановская, Еврейская, Нижний Базар Кальварии, Комаровка и др.

В основном евреи селились рядом друг с другом в зависимости от рода своих занятий: в местах, где создавались базары или где удобнее было вырабатывать свои изделия и сбывать их. Евреям даже в царское время не запрещалось свободно расселяться по всему городу, свободно посещать зрелища, учреждения, торговые дома, банки, предприятия. Въезд и выезд для евреев не был запрещен в черте оседлости.

История города Минска не знала, что такое гетто с момента своего существования до прихода немецко-фашистских захватчиков в 1941 году.

С приходом Советской власти евреи вздохнули свободно. Им, как и всем другим народам многонационального Советского Союза, были предоставлены все права. Еврейскому пролетариату и интеллигенции

стало доступно участие во всех отраслях хозяйства, науки и искусства, без ограничения, где они могли применять свои способности.

Евреи получили возможность занимать командные посты наравне с представителями других национальностей, заниматься в высших учебных заведениях, селиться там, где они считали это нужным и возможным.

Приобрели евреи и свою Родину. Страна процветала и все вместе в ней все народы, в том числе и еврейский.

22 июня 1941 года грянул гром войны. Германия напала на Советский Союз.

28 июня 1941 года по улицам города Минска ходили немецкие солдаты и стоял гул немецких танков.

Около 75 000 евреев (вместе с детьми), не успевшие уехать, остались в Минске, захваченном фашистскими извергами.

Первый приказ фашистских псов извещал население Минска, что города освобожден от большевистко-жидовского бандитизма и предлагал под угрозой расстрела всем мужчинам в возрасте от 15 до 45 лет явиться на призывной пункт. 7 июля 1941 года немецкие варвары врывались в квартиры, хватали первых попавшихся им мужчин-евреев, только что вернувшихся в город, сажали в машины и увозили, а на следующий день появился новый приказ, извещавший, что за связь с большевиками в городе Минске и области расстреляны 100 жидов-коммунистов.

С первого же дня прихода фашистской своры в городе начались бесчинства: грабежи, насилие, расстрелы без всяких причин. Мирные жители города Минска превратились в объекты для издевательств, в особенности евреи.

Дом № 21 по улице Мясникова был густо заселен (более 300 человек). Утром 2 июля 1941 года он был окружен со всех сторон. Жителей (взрослых, стариков и даже детей) вывели во двор. Конвой в количестве 40 человек, вооруженный винтовками, ручными пулеметами держал людей 6 часов под винтовкой. Гитлеровские злодеи угрожали мирным жителям расстрелом, в том случае если они изменят свое положение. Время от времени для убедительности раздавался выстрел: казалось, что начались расстрелы людей. В это время в их квартирах шел обыск. Под видом поиска оружия людей грабили: забирали одежду, белье, одежду, обувь, посуду и даже продукты питания. Как голодные, хищные звери накинулись фашисты на такие продукты, как сахар, мед, масло, какао, рис. Все награбленное погрузили на две большие грузовые машины и вывезли. Только после этого людей отпустили. С изумлением смотрели советские люди на свои разгромленные квартиры и в это же

время невольно смеялись: «Не очень-то сытно кормил Гитлер своих солдат и офицеров, если они с такой жадностью накинулись на продукты».

Ночью громили группами по 4-5 человек. Вернулись в еврейские квартиры: к Грайворам, Рапопортам, Клеонским и предложили сдать оставшиеся вещи: «Здесь остались серебряные ложки, где костюм, куда девался шелк?» – кричали бандиты. В тех случаях, когда бандитам не открывали, они взламывали двери.

По той же улице Мясникова помещалось большое здание – Сталинская школа. Окна которой выходили во двор жилого дома, окна этого дома были расположены таким образом, что из окон школы была видна внутренняя обстановка жилых помещений. Немцы, расположившись в школе, объектом своих забав и развлечений избрали жителей жилого дома. На протяжении суток они стреляли из окна, попадая в зеркала, мебель и людей.

На сборный пункт, согласно приказу немецких властей, пришли сотни и тысячи мужчин. Всех отправили в лагерь, в Дрозды, где распределили по национальности. Русских содержали отдельно, евреев отдельно. Морили голодом, запрещали пользоваться водой из протекающей речушки, избивали, бутылками разбивали головы. Издевательствам и насилию подвергались одинаково как русские, так и евреи. Охрана без всякого повода расстреливала на месте десятки и сотни советских граждан.

Через некоторое время русских мужчин отпустили, а евреев оставили в лагере. Оставшихся разделили на две группы людей: занимающихся умственным и физическим трудом. Первую группу погрузили в грузовые машины, вывезли за город и расстреляли из пулеметов. Всего были расстреляны более 3000 человек. Погибли такие выдающиеся люди, как инженеры-доценты политехнического института, кандидаты технических наук Айзенберг и Прытыкин, доктор математических наук Прыклад и другие ученые, подготовившие сотни высококвалифицированных кадров.

Вторую группу, в основном рабочих различных специальностей, под усиленным конвоем вывели из лагеря в город и водворили в тюрьму. Когда их водили по улицам, жители, главным образом, женщины и дети, выбегали из домов, стараясь опознать родных и знакомых. Но скоро опустели улицы города, встречи прекратились... Конвой тут же на месте расстреливал встречающих. По улице Коммунальной вели колонну людей. 14-летняя девушка выбежала из дома, остановилась у ворот в надежде увидеть отца: раздался выстрел, и девушка упала мертвой, рядом с ней легла сестра Бунина... Трупы убитых валялись везде. Стон и смятение царили почти в каждом доме.

Несколько дней рабочие пробыли в тюрьме, затем некоторых из них выпустили из тюрьмы и направили на работу к немцам, а часть погрузили в машины, вывезли за город и расстреляли. Так немецкая банда расправлялась с еврейским населением.

По приказу немецких властей все еврейское население обязано было зарегистрироваться в специально созданном Еврейском комитете (жидовское раде, юденрате). Приказ предупреждал, что незарегистрированным евреям в предстоящем переселении будет отказано в предоставлении квартир.

Еврейский комитет был создан следующим образом: работники гестапо поймали на улицах 10 мужчин, завели в дом Правительства и заявили, что представляют собой еврейский комитет, обязанный выполнять все распоряжения немецких властей. За малейшую провинность – расстрел.

Председателем комитета был назначен Илья Мушкин – бывший заместитель директора Минпромторга.

К 15 июля 1941 года регистрация евреев была окончена. К этому же числу под страхом расстрела евреям было приказано носить желтые отметки определенного размера на груди и спине.

К 31 июля 1941 года было закончено переселение евреев. После желтых латок был издан приказ немецких властей о создании гетто. Советские люди читали приказ и не верили, что это реальная действительность, а не сон и не фантазия. Гитлер брал людей XX века, века высокой культуры и техники, машин, самолетов и радио и кидал в далекое прошлое на много столетий назад, в века, где для евреев в городах были выделены особые кварталы для поселения. Эти кварталы и назывались гетто. К Средневековью возвращал Гитлер советских людей. Кроме этого, на евреев была наложена контрибуция: золотом, серебром и советскими дензнаками.

Из старых, насиженных мест потянулись евреи толпами, оставляя свои квартиры, мебель, вещи, забирали с собой только самое необходимое. Транспорта они были лишены, вещи должны были переносить на своих плечах. Квартирная площадь представлялась из расчета 1,5 кв. м на человека, не считая детей.

Переселение без издевательств не обошлось: для гетто был введен строго очерченный район, но как только вселялись люди, сейчас же издавался новый приказ, исключаящий одни и включающий другие территории.

В течение двух недель (с 15 по 31 июля 1941 года) странствовали евреи, перекочевывая с места на место.

К 1 августа 1941 года было закончено переселение евреев. Так было создано гетто. Туда вошли улицы: Хлебная, Немигский переулок, часть Республиканского, часть Островского, Юбилейная площадь, часть Обувной, Шорной, Коллекторной, 2-й Опанский переулок, Фруктовая, Техническая, Танковая, Крымская и некоторые другие. Эти улицы были изолированы от центра города, торговых и промышленных предприятий, зато кладбище полностью находилась на территории гетто.

Гетто было окружено колючей проволокой в пять рядов. Выход из-за проволоки карался расстрелом. Общение с русским населением каралось расстрелом. Торговля, купля продуктов питания запрещались евреям под страхом расстрела. Расстрел стал спутником существования евреев.

Семья рабочего Черно состояла из шести человек: двух взрослых и четырех маленьких детей. Его жена Анна Черно не в состоянии была смотреть на страдания своих голодных детей и пошла в русский район для того чтобы у друзей получить какую-нибудь помощь. Когда она возвращалась домой, ее остановили полицейские, забрали все, что у нее было, завели в тюрьму и там расстреляли. Такая участь постигла Розалию Таубкину, которая перешагнула проволоку для встречи с русским родственниками.

Как только гетто было окружено проволокой, евреи подверглись грабежам и насилию. В любое время, днем и ночью, к гетто подъезжали на машинах, подходили пешком немцы. Они заходили в еврейские квартиры и чувствовали себя неограниченными хозяевами: грабили и забирали из квартир все, что им нравилось. Грабежи сопровождалась избиением, издевательствами и нередко убийствами.

Озверевшие бандиты ночью нападали на еврейские дома и убивали жителей. Убийства совершались каждую ночь и особыми способами: выкалывали глаза, вырезали языки, уши, ломали черепа и т.д. Жаловаться было некому, ведь убийства были организованы гестапо и являлись одним из методов истребления населения. Особенно страдали район улиц Шевченко, Зеленой, Заславской, Санитарной, Шорной и Коллекторной. Зная, что их улица подвергается нападению, евреи защищали свои квартиры, делали двойные двери, железные засовы, не впускали, когда стучали в дома бандиты, устраивали дежурства, самооборону, но сила оружия брала верх – двери и окна взламывали. В квартире, где жила врач Зефир Марголина, ворвалась банда, избива всех, двух человек убили, Марголину тяжело ранили четырьмя пулями. Над семьей Каплан, живущей по Заславскому переулку, долго издевались: отцу выкололи глаза, дочери срезали уши, другим членам семьи сломали черепа, а потом всех расстреляли. Соседи на утро рассказывали, что бандиты были одеты в маски, говорили по-немецки.

В это время по всем местечкам БССР прокатилась волна погромов. 7 ноября 1941 года Минская область была очищена от евреев. К этому времени на Широкой улице был организован лагерь, где на тяжелых изнурительных работах находились русские военнопленные и евреи.

Евреев заставляли переносить песок, глину из одного места другое и обратно, копать землю без лопат. У немцев «плата» за эти работы, как и за все другие, состояла из 200 грамм хлеба и мутной водички, выдаваемой один раз в день, громко именуемой немецким супом.

Комендантом лагеря и одновременно хозяином над гетто был назначен белогвардеец, продавшийся немецким фашистам зверь, некий Городецкий. Грабежи, насилие, убийства были основной его специальностью.

Остался жить в городе Минске и один из крупнейших специалистов БССР, профессор, доктор медицинских наук Ситерман, который не успел эвакуироваться. Как только Городецкому и гестапо стало известно о существовании Ситермана, начались издевательства над профессором. Городецкий врывается к нему в квартиру, требуя ценности, забирает из квартиры все, что находил нужным, избивал ученого. К профессору Ситерману приезжали работники гестапо, забирали его собой, заставляли работать на черных, тяжелых работах: производить уборку выгребных ям и уборных руками.

В октябре 1941 года Ситермана поставили в уборной с лопатой в руках и сфотографировали. Через несколько дней за ним приехали на легковой машине и увезли. Больше профессора никто никогда не видел.

В гетто оставалось много мужчин, все они состояли на учете в отделе труда Еврейского комитета, в дальнейшем этот отдел получил название «Биржа труда», из которой всех мужчин по требованию посылали на тяжелые принудительные работы в военные части, фирмы и в лагерь на улицу Широкою.

14 августа 1941 года по гетто разнесся слух: «ловят мужчин». И действительно, часть гетто была окружена, мужчины погружены и вывезены гестапо, которое объяснило вывоз людей необходимостью работы на военных объектах. Но то, что гестапо называло «работой» на всех других языках означало смерть.

26 августа 1941 года к 5 часам утра к гетто стремительно стали подъезжать легковые машины. В течение 5 минут гетто было окружено легковыми машинами, из которых выходили работники гестапо, как дикие звери врываются они в еврейские кварталы, с криком «Мэннер» (мужчины). Всех мужчин они выгнали на Юбилейную площадь, избивали, поиздевались над ними, а потом увезли.

31 августа 1941 года облава повторилась. Гетто было быстро окружено машинами. Забирали а этот раз не только мужчин, но и женщин, которые почему-то не понравились фашистам, и у которых желтые латки были не совсем хорошо пришиты. Одновременно производился грабеж еврейских квартир.

Изъятие во время облав 14, 26 и 31 августа 1941 года люди были вывезены в тюрьму и там расстреляны (всего около 5000 человек). Так жили и мучились евреи до 7 ноября 1941 года, каждый день ожидая новых жутких событий.

Немецкий фашизм старался создать паническое настроение среди евреев, сковать их мысли и действия, вселить в сознание людей, что для них все потеряно, что нет выхода из крепких цепей фашистского ига. Но просчитались гитлеровские бандиты: они забыли, что имеют дело с советскими евреями, с евреями, которые 28 лет жили полной, свободной жизнью. Они забыли, что эти евреи выросли в духе борьбы и побед.

С августа 1941 года начался сбор сил для организованного отпора врагу. Коммунисты, оставшиеся в городе Минске, искали друг друга, нашли и договорились провести в конце августа партийное совещание. По улице Островского в доме № 54 группа коммунистов собралась в первый раз. Среди них были: работник СНК БССР Вайнгауз, работники Белостокской текстильной фабрики: Шнитман, Хаймович, Фельдман, работник Союза советских писателей Смоляр. Совещание постановило: создать подпольную партийную организацию, которая поставила перед собой следующие задачи.

1. Разбить паническое настроение евреев, созданное немецкой фашистской бандой.

2. Установить радиоприемник.

3. Наладить систематический выпуск листовок.

4. Наладить контакт с коммунистами русского района.

5. Установить связи с партизанскими отрядами.

Первые шаги партийной организации увенчались успехом. Немцы издали приказ о сдаче всех ценностей: золота, серебра и драгоценностей немецким властям, а подпольная партийная группа постановила: ценности переправить в партизанские отряды и часть из них удалось туда отвезти.

Немцы кричали на весь мир о своих победах в газетах, а подпольная партийная группа, приступив к систематическому выпуску листовок, в которых было отражено действительное положение вещей, показывала всю фальшь фашистских побед, призывая советский народ к борьбе.

Листовки читали с огромным интересом, передавались из рук в руки. Люди, встречаясь друг с другом, вместо приветствия спрашивали:

«Новости какие сегодня?» (Найс) только и слышно был кругом. Евреи ждали новой листовки, новой передачи. Листовки передавались и переписывались из дома в дом. Редактором листовок был назначен Вайнгауз.

31 сентября 1941 года был убит немецким извергами один из руководителей подпольной партийной группы в гетто Кириешто. Вместо него в состав партийного руководства был введен инструктор Кагановичского ЦК партии города Минска Гебелев. Ему было поручено установить связь с коммунистами русского района. Стал вопрос и о созыве совместной партийной конференции. Представителем от партийной подпольной группы гетто по связи с коммунистами русского района был выделен Гебелев Миша.

Национальную рознь старались посеять гитлеровские псы, а еврей Гебелев, для того чтобы спасти русских коммунистов от немецкой тюрьмы, ходил в русский район, рискуя жизнью, находил квартиры своих товарищей и там скрывал русских коммунистов. Некоторых из них он приводил в гетто и скрывал в «малинах». Около гетто в русском районе были созданы резервные квартиры, где проводили работу коммунисты русского района и коммунисты гетто.

В сентябре 1941 года была налажена связь с партизанским отрядом капитана Быстрова на Востоке. Оттуда пришли первые проводники и туда была отправлена первая партия людей из гетто – 20 человек, в основном коммунистов и военно-подготовленных людей: Шнитман, Ханкович, Гордон, Окунь и др. Подпольная партийная группа постановила: организовать систематическую помощь партизанским отрядам – теплой одеждой, вещами, мылом и солью.

Партгруппа, оценивая еврейский комитет (юденрат) как орган проведения оккупационной политики немецкой власти, все же посчитала нужным связаться с советскими элементами внутри юденрата, используя их для помощи партизанскому движению и уходящим в отряды евреям и их семьям. В первую очередь была налажена связь с председателем юденрата Мушкиным, а потом к работе и помощи партизанскому движению были привлечены заведующий производственным сектором юденрата Рудицер и начальник еврейской полиции Серебрянский. Это они передавали руководителям партизанской группы для партизанских отрядов вещи: меха, обувь, кожу, белье, теплую одежду, пишущие машинки, канцелярские принадлежности, мыло, медикаменты, деньги, а иногда даже продукты питания, например, соль.

Фашистские шакалы бегали по гетто, не оставляя в покое еврейские квартиры. Каждую минуту ждали их налетов, все же, несмотря на это, еврейские женщины (даже старушки) помогали партизанам, шили им

белье, маскировочные халаты, вязали носки, поздно ночью залезая в погреб, работая при свете лучин. Мастерские гетто во главе с заведующим Гольдиным работали в основном на партизан.

В это время коммунисты гетто и коммунисты русского района поставили вопрос о совместном совещании для создания единой партийной организации города Минска.

В сентябре 1941 года состоялась предварительная встреча, но созыв конференции в это период не удался, в связи с последующими событиями. Таковы были первые шаги партийной работы в гетто.

Близилась 24-я годовщина Октябрьской революции.

6 ноября 1941 года разнесся слух, что в день Октябрьской революции в Минском гетто будет погром. В гетто приехал Городецкий. Он отобрал нужных ему рабочих и специалистов вместе с их семьями и издал распоряжение вывести всех в лагерь на улицу Широкою. Туда же были вывезены некоторые работники юденрата.

Не спали евреи в эту тревожную ночь, ждали утра. Только светать стало, в гетто уже въезжали большие черные закрытые машины. Работники гестапо были вооружены нагайками, револьверами ручными пулеметами. С криками, со свистом, с бешеным хохотом изверги врывались в дома и загоняли беззащитных женщин, стариков и детей в машины. Когда машины были набиты людьми, их отвезли в Тучинку и выгрузили в бараки.

Целый день курсировали машины, целый день пьяная ватага совершала свое гнусное дело. Около 12–18 тысяч евреев были вывезены в Тучинку. Их там держали два дня. Стон и крики детей, томившихся без воды, сваленных как навоз друг на друга, разносились по окрестностям, а потом застрочили пулеметы и свалились в заранее заготовленные могилы обезглавленные, безжизненные тела замученных гитлеровскими кровавыми собаками советских людей.

Не все гетто было схвачено погромом, только часть улиц: Республиканская, Шевченко, Немига, Хлебная и т. д.

К вечеру 7 ноября 1941 года зверства стали затихать. Утром следующего дня машины в гетто уже не въезжали, но немцы и полицейские продолжали хозяйничать, ломать окна и двери, забирались в квартиры, грабили и выгоняли людей на улицу, а оттуда их направляли к юденрату. Из других улиц тоже сгоняли людей к площади. Создавался район «специалистов». Всех рабочих различных специальностей немцы называли «специалистами» и переселяли их в отдельный район. Это привело к новому переселению евреев. Бегали евреи с пачками на плечах, ища себе пристанище, с неостывшими слезами на глазах, в страхе за жизнь, с болью в груди за погибших близких.

Вернулись «специалисты» из лагеря по улице Широкой и работники юденрата. В ноябре 1941 года в город Минск прибыли 5000 евреев из Гамбурга. Они были вселены в «освободившиеся» после погрома белорусских евреев квартиры. Часть улиц (Немига и др.) по приказу гестапо отошли к русскому району. Территория гетто уменьшилась. Потекла в нем голодная, тяжелая жизнь, но и эта жизнь для многих оборвалась.

20 ноября 1941 года. Утро еще не наступило, а немцы и полицаи уже ходили по улицам гетто: Замковой, Подзамковой, Зеленой, Сахарной и др. Опять выгоняли людей из квартир в колонны и гнали на Тучинку к могилам. У могил была заготовлена изгородь. Живых людей бросали в могилы, где их расстреливали и сжигали.

Еще 7000 евреев погибли. Стон и плач в гетто не прекращались. Люди забирались в специально приспособленные погреба, замаскированные комнаты, получившие названия «малины», но и они не спасали. Немецкие власти объяснили погром 20 ноября 1941 года тем, 7 ноября «план не был выполнен», т.е. было уничтожено меньше евреев, чем было сказано в приказе верховной власти.

Проводимые погромы не сломили сопротивления евреев, не остановила движение даже гибель их руководителей. В погроме 20 ноября 1941 года погиб Вайнгауз. Вместо него в партгруппу был введен секретарь по пропаганде Ворошиловского РК партии города Минска Бруслин (Брускинд). В конце ноября месяца коммунисты добились проведения общей партийной конференции, руководителем которой был «Славек». Представителем партгруппы гетто был выбран Гебелев. С этого времени началась систематическая отправка людей в партизанские отряды. Общая партийная конференция постановила: партийную организацию строить по принципу десятков. Во главе каждой десятки стоял секретарь. Десятки образовывались исключительно на основании личного знакомства и рекомендации. Все секретари десятков были связаны с уполномоченными. Гетто являлось одной из зон. Партконференция фактически создала подпольный партийный комитет, секретарем которого был избран «Славек».

Уполномоченным ГК партии по гетто (секретарем партгруппы гетто) был Смоляр, который жил в гетто под фамилией Столяревич (партийная кличка «Скромный»). Штаб-квартирой служила кочегарка еврейской больницы, где работал Смоляр, куда приходили коммунисты и где обсуждались и решались самые важные и серьезные вопросы.

Во главе десятков стояли: Наум Фельдман, Зяма Окунь, Надя Кузир, Майзельс, Рольбин, Рубенчик и др. Связистом с коммунистами русского района была выделена Эмма Родова. Перед десятками были поставлены следующие задачи.

1. Наметка кандидатур к отправке в партизанские отряды коммунистов и военно-подготовленных людей.
2. Сбор оружия.
3. Материальная помощь теплой одеждой партизанским отрядам.
4. Сбор и отправка в партизанские отряды медикаментов.
5. Создание фонда помощи нуждающимся.

Зима была тяжелой для жителей гетто. Они страдали от голода, холода, сырости в нетопленных квартирах. Евреи, работающие в русском районе и имеющие возможность общаться с русским населением, не так остро чувствовали нужду, но те евреи, которые не работали за проволокой, нуждались и голодали. Главным образом голодали коммунисты, которые не выходили на работы. Для таких коммунистов и была создана материальная помощь.

Благодаря связи с советскими людьми из юденрата удалось расставить людей таким образом, чтобы работу на немецких предприятиях использовать с наибольшей выгодой для себя и для борьбы с немецкими оккупантами. Группы молодежи были расставлены на предприятиях, связанных с производством оружия и боеприпасов, с тем, чтобы иметь возможность их выносить.

Женщины работали там, где была возможность получать белье и теплую одежду таким образом, чтобы переотправлять эти вещи в партизанские отряды. Производились регулярные отправки в партизанские отряды, чаще всего с квартиры Оненгейма, по улице Республиканской, 46. Местами сбора были базары. В результате перехода отрядов с места на место в феврале 1942 года была потеряна связь с некоторыми партизанскими отрядами. Начались поиски отряда. Имелись сведения, что в Дукорском направлении действует отряд Нечипуровича. Собралась группа людей, среди них врач Марголин, Скобло – одни из первых стажановцев БССР и другие. Все они пошли искать отряд. Группа была вооружена 4 винтовками, 2 наганами и 4 гранатами.

Этот поход не увенчался успехом. Люди попали в окружение гестапо. Многие из них погибли, в том числе и Скобло, а другие вернулись в гетто с отмороженными конечностями и долго лежали в больнице. С одной стороны, начались поиски отрядов, а с другой – люди искали и закупали оружие. Последним ведал Науман Фельдман.

По заданию парткомитета искали пути организовать вывоз из гетто людей, которые не могли влиться в партизанские отряды. Советские люди на первых порах, не зная издевательств фашистских зверей, считали, что достаточно вывести людей из-за проволоки, отдать их в русский район, и жизнь там им будет обеспечена. Старались вырвать из рук палачей и сохранить самый ценный капитал – человека.

В феврале 1942 года была установлена связь с советскими элементами городской управы, при посредничестве которой шла переброска детей из гетто в русские детские дома. Остались женщины и старики.

Подпольный парткомитет гетто искал пути отправить этих детей. Для этой цели была выделена Нина Лисс, которая пошла в Западную Белоруссию искать деревни и хутора, расположенные вдали от железных и шоссейных дорог. Люди искали возможности, чтобы освободиться от тяжелых цепей гитлеровского рабства, вырваться из-за проволоки, хотели бороться и умереть в борьбе, отомстить за нанесенные им раны и причиненные им страдания. Не успевали евреи прийти в себя от одного удара, как им уже готовили другой.

В феврале 1942 года был арестован Мушкин – председатель юденрата. Тяжела была его роль: с одной стороны, он вел борьбу с оккупантами, материально помогая партизанским отрядам, с другой – обязан был сохранить видимость нормальных взаимоотношений с немецкими властями, видимость выполнения всех директив и распоряжений. Свою работу он должен был скрывать от окружающих его повсюду работников юденрата, продавшихся немцам, таких, как Розенблат, Эпштейн, Маркман, Каган, Гинцбург. Нашелся провокатор, который предал Мушкина. Долго пытали и мучили Мушкина в тюрьме, но он не выдал своих товарищей, молча переносил страдания. Только через месяц после ареста и пыток Мушкина вывезли из тюрьмы, и при попытке бегства из машины он был убит.

Шла зима 1942 года. Она несла за собой голод, холод и болезни. Трудно назвать жизнью такое жалкое существование людей. Плач детей, стоны больных, оставленных в одиночестве и без ухода, заполняли дома евреев. Люди питались отбросами из немецких кухонь. Распространенным блюдом среди еврейского населения стала картофельная шелуха, из которой хозяйки умудрялись печь оладьи и запеканки. Появились болезни: фурункулез, цинга, сыпной и брюшной тиф. Болезни приходилось скрывать от немецких властей, которые ежедневно требовали сводки о движении пациентов в больнице. Немцы боялись инфекционных заболеваний, поэтому евреи знали, что как только немецким властям станет известно о том, что такого рода заболевания появились в гетто, то неминуем погром. Однако и так, несмотря на то что немецким извергам не было известно о заболеваемости в гетто, погромы с новой, ужасающей силой обрушились на евреев.

Утром 2 марта 1942 года к гетто стали подъезжать легковые машины с работниками гестапо. Среди них находился обер-штурмюнкер Шмидт. Он был уже совершенно пьян, что предвещало проблемы. Евреи заволновались. Однако рабочие колонны, как обычно, направились

на работу, а прибывшие «гости» расселись на квартире заведующего «Биржей труда» Эпштейна и принялись кутить. В еде и дорогих винах недостатка не было. Продукты были доставлены в гетто на грузовой машине. Кровавых псов, жаждущих крови советских граждан, было слишком много. Всем им места в квартире не хватило, поэтому они разместились на улице и на площади. К гестаповцам был вызван полицай – майстер 5-го участка Рихтер (старая полицейская собака, всю свою жизнь, по его словам, прослужил в полиции), под ведением которого находилось гетто; тут же на улице обнаглевшая свора фашистов пьянствовала и обжиралась, после чего началась «работа» палачей. С нагайками, револьверами, пулеметами врывались они в дома и выгоняли всех во двор обувной фабрики по улице Шпалерной. Толпы народа: женщины, дети, старики – стояли и ждали своей смерти. В двух домах по улице Технической палачи не нашли людей, они прятались в «малинах». Изверги подожгли дома со всех сторон и сожгли людей живьем. Утром на пепелище нашли тлевшие трупы. К 5-ти часам утра из города стали возвращаться рабочие колонны. Их встречали у ворот гетто работники гестапо. Вместе с толпой людей, ждущих смерти во дворе обувной фабрики, их направили к железной дороге, погрузили в вагоны и повезли по направлению к городу Дзержинску. Там они были расстреляны. Еще 5000 евреев были уничтожены. Многие люди пытались бежать, но пули бандитов их настигли.

Гестапо окружило колонну рабочих тюрьмы во главе с их бригадиром Левиным (в прошлом художник и детский писатель, писал под псевдонимом Берсарин). Он потребовал освобождения всей колонны, мотивируя тем, что его колонна состоит из одних специалистов. Его одного освободили, но Левин настаивал на освобождении всех. Его избивали прикладами и прогнали прочь. В руках у Левина была жестяная крынка, с которой он набросился на немцев. Его расстреляли тут же, на улице. Вечером, когда кровавая работа подходила к концу, оберштурмфюрер Шмидт, окруженный своей сворой и полицейскими, с длинным кнутом в руках, будучи совершенно пьян, рассекая воздух нагайкой и поворачиваясь на ногах во все стороны, на чисто русском языке кричал: «Сегодня как никогда удачно, прекрасно, удачно, удачно». Полицеймайстер Рихтер за хорошую организацию погрома и помощь гестапо получил награду и был повышен по службе. Позже он рассказывал Эпштейну, что «работа» была начата поздно – вместо раннего утра в полдень, а поэтому, чтобы не ходить поздно ночью по квартирам, были взяты рабочие колонны, что дало, по его словам, «блестящие результаты». Как и при первых погромах были уничтожены дом инвалидов и детский дом, а также часть работников юденрата.

Ужасающую картину представляла собой колонна детей всех возрастов, от самых маленьких до 13–14-летних во главе с заведующей детским домом. Дети кричали: «За что? Наши придут и отомстят за нашу кровь, за смерть наших отцов и матерей». Наганы со свистом опускались на детские головы и дети с окровавленными отеками. Дети со вздувшимися от побоев лицами, оборванные, голодные шли дальше. Если ребенок отставал, не поспевая за всеми, его расстреливали на улице. Вся дорога была усеяна детскими трупиками. У оставшихся в живых людей сжимались кулаки, злобой и ненавистью горели глаза. «Когда настанет час расплаты?» – спрашивали они друг друга.

Работница детского дома Амстердам, не желая живой сдаваться врагу, покончила собой, вскрыв вену.

Население гетто сокращалось. Снова переселение, перевозка евреев из одной квартиры в другую, из одного района в другой. Часть улиц отошла к русскому району. Уменьшалась территория гетто, сжималось его кольцо.

Затишье было недолгим. Погромы, которые устраивало гестапо, не останавливали работы, проводимой коммунистами в гетто, уход в партизанские отряды, число которых с каждым днем все росло. Гестапо знало об этом и на каждый уход евреев из гетто отвечало кровавым террором. На языке бандитов расправа, учиняемая в гетто, назвалась «искоренение большевистской заразы». В этом случае, когда гестапо находило след человека, который был связан с подпольной партийной организацией, или помышлял об уходе из гетто, нес ответственность не только он один, но все жители дома, где он жил, или вся колонна, где он работал. Ночью окружали дом со всех сторон, выводили людей и расстреливали.

В конце марта 1942 года началась волна ночных погромов. Жители гетто с ужасом прислушивались к тому, как строчил ночью пулемет, как раздавались стоны и крики расстреливаемых людей. Слышался по ночам топот людей, которые, убегая от пуль, спасались на некоторое время или получали ее в спину.

Ночные погромы были 31 марта, 3, 15 и 23 апреля. Во время одного из этих погромов 31 апреля 1942 года погибла Лисс, которая только за день до этого вернулась из Западной Белоруссии, выполняя задание партии: подыскать места, куда можно было бы вывести людей из гетто.

Нашелся предатель, который передал гестапо списки работников подпольного парткомитета, причем даже с указанием их адресов. Нина Лисс жила по улице Коллекторной, 18. Когда бандиты ночью окружили дом, они стучались и кричали: «Нинка, открой». Работники гестапо требовали выдачи Гебелева, Смоляра, Фельдмана, Окуня,

предупреждая, что в случае отказа от выдачи этих людей, будут расстреляны все работники юденрата. Вновь назначенный председатель юденрата Иоффе знал: для того, чтобы эта угроза была осуществлена, им нужно очень мало. Выполнить требование гестапо для Иоффе тоже было невозможно.

Гебелев носил три фамилии, применительно к каждому случаю, поэтому управление гестапо в конечном счете было сбито с толку и не знало, где его искать. Фельдманов в гетто было много, трех Фельдманов гестапо арестовало и отправило в тюрьму, откуда они никогда уже не вернулись. Окунь через некоторое время был арестован.

Смоляр (Столярович), возглавлявший подпольную партийную организацию гетто, был неуловим. Гестапо настойчиво требовало его выдачи. Иоффе пошел на хитрость: он заполнил чистый бланк паспорта на Ефима Столяревича, измазал его кровью и отнес в гестапо, заявив при этом, что «этот паспорт найден в одном из домов, где уже произошел ночной погром и извлечен из одежды трупа». Гестапо осталось удовлетворенным, считая, что Столяревич (Смоляр) погиб вместе со всеми жителями дома.

Столяревич, Гебелев, Фельдман продолжали жить и вести борьбу с врагом.

Фельдман в это время занимался вопросами снабжения оружия. Группы людей, отправляемые в отряды, вооружались винтовками, наганами и гранатами. Помимо вооружения все усилия были направлены на то, чтобы раздобыть типографию и переотправить в отряды. Две типографии были переотправлены в отряды, а третью передали в распоряжение городского комитета партии.

Гестапо ночные погромы объясняло борьбой с партизанским движением, стараясь разгромить партийные силы. Такие же «акции» (так немцы называли погромы) происходили в русском районе. В партийную организацию пробрался враг, в результате чего была арестована часть членов подпольного партийного комитета.

10 человек коммунистов Гебелев привез из русского района в гетто и скрывал их в малинах по еврейским паспортам. В дни погрома партийного руководства в русском районе, из гетто в отряды были отправлены 40 человек. На пятом километре от города должна была состояться встреча командования отряда с вновь пришедшими. Аресты партийного руководства в русском районе и в гетто привели к тому, что встреча не состоялась, кто-то из людей погиб в пути, остальные вернулись в гетто.

Особо жестоким был ночной погром 23 апреля 1942 года. Были окружены дома по улицам Обувной, Сухой, Шорной и Коллекторной.

Погром начался в 17 часов и был закончен только в 23 часа. Около 500 человек погибли.

Другой ночной погром, поражающий своей жестокостью, произошел в июле 1942 года. По Завальной улице были окружены два четырехэтажных, густо заселенных дома. Их подожгли со всех сторон и сожгли людей живьем. Погибли несколько сотен человек.

Каждый день и каждая ночь несли с собой новые жертвы. Менялись немецкие громилы: одни уходили, другие приходили. Они хозяйничали в гетто. Руководство каждого из них под видом наведения порядка завершалось истреблением евреев.

Незадолго до своего ухода из гетто Рихтер решил проверить, выполняется ли приказ немецких властей об обязательном выходе на всех работу. Выйдя на улицу, он остановил первых трех встречных евреев, завел их на биржу и приказал сопровождавших его полицейским раздеть евреев. Избил их до полусмерти, одного из них вывел на площадь, привязал к столбу, выгнал всех из домов и на глазах у всех расстрелял его. На груди расстрелянного был картон с надписью: «Так будут поступать с каждым, кто посмеет не выходить на работу».

На смену Рихтеру пришел новый полицмайстер Геттенбах. Он издал приказ о превращении гетто в лагерь. Все дома гетто были пронумерованы, а его жители помимо желтых латок должны были носить нашитые на одежду номера домов, где жили. За нарушение этого приказа Геттенбах собственноручно расстрелял сотни евреев.

Для расстрела евреев причины были даже не нужны. В мае месяце из лагеря «Тростинец» привезли трех рабочих-евреев. Они себя плохо чувствовали и решились отправиться на прием к врачу. Вместо этого Геттенбах отвез их на кладбище и расстрелял. Аналогичных случаев было много. Евреи ждали. Работа на фабрике «Октябрь» считалась самой выгодной. Кроме 200 грамм хлеба давали кружку горячей воды, которую называли кофе, а на обед – жидкий суп.

В мае 1942 года уволили 13 женщин. Им даже не разрешили поговорить с шефом о причинах их увольнения. Тогда они решили пойти с колонной на фабрику узнать, за что их уволили. Им разрешили поговорить с шефом, и 13 голодных, опухших евреек были посажены в тюрьму. Две долгих, тяжелых недели их мучили и томили в тюрьме, а потом под усиленным конвоем повели в гетто и выстроили на площади напротив юденрата. Всех людей выгнали из домов на площадь и у них перед глазами расстреляли 13 евреек разрывными пулями. Два дня трупы убитых лежали на площади, их запрещено было убирать.

В апреле 1942 года был издан приказ гестапо, обязующий всех евреев каждое воскресенье являться на площадь к юденрату ровно к 10-ти утра.

Полицейские и немцы даже в воскресенье не давали покоя евреям, выгоняя их всех из домов на площадь. Без избиений плетками и прикладами не обходилось. Всегда евреи находились в напряженном состоянии, не зная, что их ждет на площади. Каждое воскресенье на сборах, которые немцы называли «апель», Рихтер, Геттенбах, Фихтель, Меншель и другие собаки произносили речи, в которых убеждали евреев не уходить из гетто в партизанские отряды, что гетто – это наиболее безопасное место для евреев, что погромов больше не будет. Каждое воскресенье собирали евреев на площади и повторяли одни и те же речи, после чего заставляли евреев исполнять концертные номера, петь, играть, часто фотографировали их.

В одно из таких воскресений полицейские пошли проверять по домам выход евреев на «апель» и нашли в квартирах 11 мужчин. Привели их на площадь, показывали всем и объявили, что отведут в тюрьму, откуда они уже больше не вернуться. Так и было. 11 человек были расстреляны в тюрьме. «Апель» продолжались до 10 июня 1942 года.

Для евреев не было места на земле, где находились немецкие фашисты и их прислужники. В одно из воскресений после «апель» группа евреев стояла у водоклонки по улице Танковой. По 2-му Оманскому переулку проходили полицейские с женщиной. Подошли к проволоке, увидели очередь за водой, и полицейский, обращаясь к своей даме, сказал: «Посмотри, какой я меткий стрелок», – и выстрелил из винтовки в толпу. Евреи разбежались. На улице стало пусто, но у водоклонки осталась лежать 10-летняя Эсфирь Грунфест в луже крови. Подбежали люди, унесли Эсфирь. Через час она скончалась. Такие случаи были не единичны.

Группа немцев и полицейских зашли в квартиру по улице Танковой с целью грабежа. Во дворе остался стоять Володя Палеев. Он не шел в дом. И это не понравилось бандитам. Из окна раздался выстрел, убивший Палеева.

В связи с арестом парткомитета проводники из партизанских отрядов не приходили в город Минск. Связь временно была потеряна. Партийный комитет гетто, обсудив создавшееся положение, пришел к выводу о необходимости вывоза людей в отряды. Для этой цели была выделена группа людей из 20 человек во главе с партийным работником Лапидусом. Отправка людей производилась на машине, но так как всех людей, включенных в отправку, на одной машине нельзя было поместить, то договорились, что машина отвозит первую группу из 20 человек на 45 километров от города и эта же машина возвращается вновь к городу на 15 км, куда выходит вторая группа, и машина отвозит ее туда же, куда и первую группу...

В условленное время вышла вторая группа людей, среди них Фельдман, Тумин, Лившиц и др. Однако в условленном месте машину не нашли, не было и проводника. Первая партия людей добралась благополучно, а вторая попала под обстрел украинцев-предателей. Часть людей – Фельдман, Тумин вернулись в гетто. Часть погибла в пути. Некоторое время все поиски отрядов ни к чему не приводили, трудно было наладить связь не только с партизанскими отрядами, но даже с коммунистами из русского района. Весь апрель 1942 года – период поиска связей.

В конечном итоге в конце апреля 1942 года оставшиеся коммунисты гетто пытались наладить связи, и ставили вопрос о восстановлении городской партийной организации. Для этой цели на улице Торговой было созвано партийное совещание, на которое совещание явилась группа коммунистов из русского района и сообщила, что именно они руководителями подпольного партийного комитета города Минска. С момента проведения этого совещания была восстановлена парторганизация, но не по принципу десятков, как раньше, а по территориально-производственному принципу. Парторганизация гетто была выделена в Кагановичский РК партии как самостоятельная организационная единица. В это время была получена директива ЦК о массовом вывозе людей в партизанские отряды.

При помощи подпольного парткомитета гетто был создан отход в Слуцком направлении под командованием капитана Никитина. В этот отряд были направлены евреи гетто. Туда же влилась часть людей Лапидуса. Систематически производилась отправка военнопленных, работающих в лагере по улице Широкой, на войлочной фабрике и на других предприятиях.

При отправке военнопленных в отряды, у проволоки был арестован Миша Гебелев – патриот, не знавший страха и усталости, который отдал жизнь за Родину, положил ее на борьбу с врагом.

Одновременно с отправкой военнопленных в отряды проводилась диверсионная работа на предприятиях, мясокомбинате, фабрике, спиртзаводе. Еврей-кузнец систематически отравляет спирт, который предназначался для фронта.

Партийный комитет гетто направил одного из участников подпольной партийной организации гетто Наума Фельдмана для организации базы отряда в западном направлении. Тяжела была дорога Фельдмана (длилась двое суток). На 9-м километре от города он ждал проводника, который должен был привести его с группой к назначенному месту.

Группу нашел только что сформированный отряд Скачкова, но принять группу Фельдмана он отказался. Тогда Фельдман решил сам

организовать отряд, но для этого нужно было достать оружие, сплотить группу. Не было командования. Фельдман послал связных в подпольный комитет гетто, откуда прислали новых товарищей. Группа вооружилась ручными пулеметами, винтовками, наганами и пистолетами. В конце мая 1942 года отряд Никитина забрал часть людей с оружием к себе. Оставшиеся занялись поисками оружия. Командования все еще не было. На помощь опять пришел подпольный партийный комитет гетто. Прислали командование. Через некоторое время его пришлось сменить. Связь с партийными комитетом гетто не прекращалась. В июне 1942 года был прислан командир отряда – военнопленный из лагеря по улице Широкой, которому был организован побег, – Семен Григорьевич Ганзенко. Отряд получил название им. Буденного. Фельдман работал в этом отряде парторгом. Отряд влился в бригаду им. Сталина и стал одним из боевых отрядов. Впоследствии Ганзенко был назначен командиром, а Фельдман комиссаром одного из отрядов бригады.

Все эти выходы из гетто были сопряжены с колоссальными трудностями. Гетто стерегли ночью и днем. Всюду устраивали засады. Гестапо сумело организовать часть еврейской милиции: Маркина, Кагала, Гинзбурга, Розенבלата во главе с Эпштейном, которые доносили в гестапо обо всем, что происходило в гетто. Они были верными помощниками гестапо. В результате этих доносов гибли и попали в гестапо часть руководителей и актива подпольной организации.

27 июня 1942 года гестапо был издан приказ о том, что все евреи помимо желтых латок с номерами домов обязаны будут с 28 июля 1942 года носить еще знаки отличия: рабочие – красные, а иждивенцы рабочих и безработные – зеленые. Рабочие люди должны получить знаки по месту работы, а все остальные – на площади, в юденрате. Приказ предупреждал, что в связи с тем, что юденрат быстро не справится с выдачей знаков, 28 июля 1942 года работники гестапо сами будут производить их выдачу.

Утром указанного дня после ухода рабочих колонн в гетто прибыли работники гестапо полицейские во главе с Гаттенбахом. Все гетто окружило тесное кольцо патрулей. Жителей гнали из квартир на площади. Туда стали подъезжать большие закрытые машины-душегубки. В них грузили людей. Там их отравляли газом и уже мертвыми свозили в заранее подготовленные могилы. Были истреблены дом инвалидов и детский дом.

Во время предыдущих погромов больницу не трогали, а на этот раз уничтожили ее. Озверевшая банда ворвалась в больницу. Больных расстреляли на месте, в постелях, среди них погиб орденносец Крошнер. Медперсонал и врачей в белых халатах выстроили отдельной колонной

и повели на площадь. Там их погрузили в машины-душегубки и умертвили. Были уничтожены 48 врачей – лучших специалистов БССР: профессор... – доктор медицинских наук, доцент Майзельс – кандидат медицинских наук, старейшие и опытные врачи: Тругель, Канторович, Гурвич, Сироткина и многие другие.

Лица, которые оказывали малейшее сопротивление, были расстреляны на месте. Все гетто было залито кровью, трупы валялись везде. На улице Сухой из домов, «из малин» были выведены все евреи. Одного из них бросили на землю, из окон вытащили стекла и положили на лежащего, а другого заставили топтать стекло ногами, чтобы изрезать первого стеклом. Видя, что еврей плохо справляется с порученной задачей, злодеи сами растоптали стекло, а потом обоих замучили.

28, 29, 30 и 31 июля 1942 года до 18-ти часов длился страшный, неслыханный погром. Во время коротких перерывов, которые устраивали палачи, они пьянствовали и кутили. Тут же на улице были поставлены столы, покрытые белыми скатертями. С одной стороны гетто заливалось кровью, с другой – раздавались пьяные крики и смех. Свою гнусную варварскую «работу» гитлеровская банда заливала морем вина.

В эти кровавые дни юденрат был со всех сторон окружен охраной.

Вечером 29 июля 1942 года был вызван председатель Иоффе, его заместитель Блюменшток и находившийся там врач Ларно. Их вывели на улицу Танковую и расстреляли. Трупы валялись до окончания погрома. В ночь с 29 на 30 июля 1942 года охрана заявила работникам юденрата, что завтра утром будет решен вопрос: оставят их жить или расстреляют? То же подтвердил Гаттенбах. 30 июля 1942 года все работники юденрата и полиции были погружены в машины-душегубки и отправлены, среди них погиб артист Белорусского драматического театра – орденноносец Зорев.

31 июля 1942 года в 13 часов был отдан приказ о прекращении погрома. Однако разгул фашистских варваров было не остановить. Они еще не насытились кровью и как дикие звери они бегали по квартирам, разыскивали «малины», вытаскивали оттуда людей и расстреливали. Погром прекратился только к вечеру. Гаттенбах собрал оставшихся в живых полицейских юденрата и приказал им убрать трупы. Когда рабочие колонны вернулись в гетто (в дни погрома они были задержаны на предприятиях в русском районе), на улицах находились запекшие сгустки крови расстрелянных людей. Вернувшиеся рабочие не нашли в опустевших и разграбленных квартирах близких и родных. Крики и рыдания огласили гетто.

Жуткую картину представляло собой гетто в ночь на 1 августа 1942 года: заплаканные глаза, обезумевшие лица матерей и отцов, не

нашедших своих детей дома, или нашедшие их убитыми. Трупы были убраны только на улицах, но не в домах. Плакала и стонала оставшаяся кучка евреев города Минска. Не было семьи, в которой не было бы жертв.

Из 75 000 евреев к 1 августа 1942 года остались в живых всего лишь 8 724 человека.

В этом погроме пострадали и немецкие евреи. 3000 человек евреев из немецкого гетто были отправлены в машинах-душегубках. Немецким евреям было объявлено, чтобы они собирались с вещами. Якобы их будут отправлять на работу. Оберштурмфюрер Гаттенбах сказал перед евреями речь на площади, а потом их посадили в машины и отравили.

Опять переселение, опять перебрасывание с одного места на другое. Значительная часть территорий гетто отошла к русскому району. Сжималось кольцо гетто. Менялись немецкие собаки, ушел Рихтер. Его сменил Гаттенбах, затем Фихтель, Мендель. Каждый приход и уход этих псов стоил человеческих жертв. Звери наживались на еврейском добре. Каждый раз после погромов евреи оставляли свои вещи в квартирах, а фашисты присваивали их себе.

В январе 1943 года в русском районе были обнаружены трупы немцев. Гестапо ответило на это страшными репрессиями. 1 февраля 1943 года в 15 часов в гетто заехали закрытые машины-душегубки. Из них вышли работники гестапо во главе с запачканным кровью немецких граждан фашистом оберштурмфюрером Миллером.

Тут же на улице хватали людей и сажали в машины-душегубки. Работников тоже выгоняли и сажали в машины. На утро в гетто не досчитались 401 человека.

Вскоре в город Минск прибыли 53 еврея из города Слуцка. Их привезли как «специалистов». Они рассказывали об ужасах постепенной ликвидации гетто в этом городе и часто упоминали Риббе – работника гестапо, отличавшегося особой жестокостью.

В первой половине февраля 1943 года на улицах гетто появились две немецкие фигуры. На их одежде были отличительные знаки гестапо. Днем, проходя по улице, они остановили еврейку, обыскали ее, нашли восемь марок, забрали их себе и пошли дальше. Навстречу им попала еще одна еврейка с четырехлетним сыном. Они ее остановили и спросили (один из них, переводчик Михельсон, говорил по-русски) почему она не работает. Женщина предъявила бюллетень, но вместо разговора, оба накинулись на нее, избили и потащили вместе с ребенком на кладбище, а там расстреляли. Возвращаясь с кладбища, они встретили парня лет 15-ти, у него в руках было два полена дров. Спросили: «Откуда дрова?». Тот ответил: «На работе шеф дал». Его потащили на кладбище и там

расстреляли. Вечером, когда рабочие пришли с работы, слущкие евреи опознали своего палача. «Это Рыббе со своим переводчиком Михельсоном», – сказали они, – «Он здесь начинает ликвидировать гетто».

Так и было. Это оказались известный палач, специалист по проведению еврейских погромов, неоднократно награжденный за действия во время погромов, гауптшарфюрер гестапо Рыббе со своим помощником и переводчиком Михельсоном.

Ни одной минуты передышки не знали евреи с приходом Рыббе. Верными помощниками в кровавой расправе с евреями был его помощник Михельсон, вновь назначенный полицмейстер Бунге и его заместитель фельдфебель Шернер.

С раннего утра до поздней ночи носились по гетто четверо бешенных псов. На каждом их шагу падал убитый еврей. Лицо человека не понравилось Рыббе – расстрел. Латка была не так пришита, как это хотел Рыббе – расстрел.

Опустели улицы гетто. Люди боялись выходить из домов, но это ни к чему не привело: Рыббе и его свора находили их и в домах. Нашли булочку немецкого хлеба – расстрел, географическую карту, книжку для чтения – расстрел. Всюду и за все – расстрел. Сотни людей были расстреляны потерявшими человеческий облик зверями – Рыббе, Михельсоном, Бунге и Шернером.

Еврейские дети, гонимые голодом, пробирались в русский район и там нищенствовали, прося кусочек хлеба. Обычно они вечером собирались у железнодорожного моста, там поджидали рабочие колонны, чтобы с ними вернуться в гетто. В феврале 1942 года была устроена облава на еврейских детей. Их словили в русском районе, посадили в грузовую машину, повезли на еврейское кладбище и там расстреляли. 15 еврейских детишек, голодных, измученных нашли свою смерть от рук фашистского палача.

Беря людей к себе на службу, Рыббе никем не брезговал: начальником еврейской милиции был назначен известный варшавский вор, пьяница и развратник Ефим Розенблат, верой и правдой служивший немецкому фашизму. На его совести было не мало кровавых дел. Как собака, шпионил он за евреями, прислушиваясь к каждому их шепоту, к каждому движению. Он вместе с Рыббе занимался «искоренением большевистской заразы». Выдавал коммунистов, людей связанных с подпольной партийной организацией, с партизанским движением.

Рыббе был недоволен Розенблатом, он решил убрать его с дороги, заменить другим, более способным шпионом. Слишком много знал Розенблат, оттого был лишним свидетелем. Рыббе сделал замечание Розенблату за недостаточное количество выловленных им партизан.

На это Розенблат в присутствии работников юденрата ответил: «Есть, господин гауптфюрер, я буду лучше работать, но у меня есть большие заслуги в деле борьбы с партизанами, о них знает г. Гаттенбах, спросите его». Но ему ничего не помогло. В феврале Розенблат был арестован Рыббе прямо на улице, отправлен в тюрьму и там расстрелян. Розенблат продался фашистам и пал от их же рук.

Начальником еврейской милиции был назначен по совместительству заведующий еврейской биржи труда Наум Эпштейн. По этому поводу Рыббе сказал: «Ему гестапо доверяет больше, чем другим». Гестапо знало, кому доверяло. Оно знало, что Эпштейн давно продался немцам за бутылку вина, за масло и сало, за хорошую жизнь, за то, чтобы иметь возможность бесконтрольно грабить своих же братьев. Этот негодяй оптом и розницу продавал свой народ. Он заставлял своих милиционеров шпионить за людьми, доносить ему о малейших нарушениях. В свою очередь, об этом он докладывал Миллеру, и после таких докладов исчезали лучшие люди гетто, преданные делу партии большевиков.

Знаменателен февраль 1943 года, когда с первого же дня этого месяца начались погромы. 19 февраля 1943 года Рыббе объезжал предприятия, где работали немецкие евреи, обратил внимание на молодых, красивых девушек. Он отобрал 13 красавиц – 12 немецких евреек и одну русскую еврейку Лину Ной. Женщины были молодые, красивые, полные сил и энергии. Палач приказал им явиться к 10-ти часам на Биржу труда в гетто. К этому же времени Эпштейн привел туда 13 евреев-милиционеров. Продавшийся пес знал, для чего собрали женщин: он жаждал крови.

На биржу явились Рыббе и Михельсон. Жертвы еще не знали своей участи. На улице было шумно. Рабочие колонны возвращались домой, многие останавливались и ждали, всех интересовало: зачем Рыббе собрал самых красивых женщин. Евреи волновались. Рыббе отдал приказ: каждому из присутствующих милиционеров взять женщину под руку и медленным шагом пойти по улице Сухой. Стон пронесся по гетто: «по улице Сухой – на кладбище, на расстрел».

Это была страшная процессия: 13 юных пар медленным шагом шли к воротам кладбища. Одна немецкая еврейка попросила попроситься с мужем. Рыббе разрешил. Его привели на кладбище и расстреляли на глазах у жены. Звери раздели женщин догола, издевались над ними, а потом Рыббе и Михельсон собственноручно расстреляли их. Цинизм бандитов был настолько велик, что у Лины Ной Рыббе снял лифчик и спрятал его в карман. «На память о красивой еврейке», – сказал он присутствующему Эпштейну.

Оказанным доверием Эпштейн гордился. Выбор гестапо был верен. Зверь в этот вечер продал еще 140 человек. В этот же страшный вечер 19 февраля 1943 года Эпштейн не ложился спать. Он ждал «новостей». В 23 часа в гетто въехала грузовая машина с работниками гестапо. Захватив с собой Эпштейна, она направились к дому № 48 по улице Обувной. Не успели люди выглянуть из окон, как дом был окружен со всех сторон. Людей выводили на улицу и строили по одному в ряд; крики детей заглушили пулемет. 140 человек были убиты. Спокойно взирал Эпштейн на груды трупов. Свои же милиционеры оттащили трупы на кладбище. Долго видны были лужи человеческой крови на улице Обувной.

В эту страшную ночь спаслись две женщины, мужчина и маленький мальчик. Дом был опечатан. Вещи свезли на квартиру Рыббе и Эпштейна. 20 февраля 1943 года Рыббе предложил вывесить приказ, извещающий жителей гетто о том, что в доме № 48 по улице Обувной хранилось оружие, за что все жители дома и были расстреляны. Все обязаны сдать оружие Эпштейну. Кто не хочет сам его приносить, тот может подбросить его тайным образом. Приказ предупреждал, что в случае отказа от сдачи оружия массовые расстрелы будут и впредь практиковаться. С отвращением читали евреи этот приказ, но оружия не дождались немецкие фашисты, хотя в гетто оно каждый день поступало и переправлялось в партизанские отряды.

Две женщины, которым удалось спастись, обратились к своему шефу с просьбой выдать им кое-что из их же вещей, оставшихся в доме. Шеф поехал к Рыббе с ходатайством, Рыббе предложил женщинам явиться к нему, а когда они пришли, он их арестовал и посадил в бункер, специально приспособленный для арестов при бирже труда. Два дня просидели женщины в сарае, а потом Рыббе прислал за ними Михельсона, который стал звать их на кладбище. Понимая свою участь, женщины категорически отказались следовать за ним. Он застрелил их тут же на месте, в сарае, на глазах у всех.

Медленно, не спеша, ликвидировал Рыббе гетто. Он всех извещал, что погромов больше не будет, он прислан в гетто, чтобы охранять покой евреев, чтобы навести порядок в гетто. Под свой контроль он взял рабочие колонны: каждый вечер вместе с Михельсоном он встречал рабочих и проверял их пачки. Отбирал все, что имели рабочие, вплоть до картофеля и муки. Если у кого-либо из рабочих он находил бутылку молока или жир, то эти продукты немедленно изымались у евреев: за еду они часто расплачивались жизнью. «Преступника» отвозили на кладбище и расстреливали, а продукты свозили на квартиру к Рыббе и Михельсону.

Рыббе утверждал, что он преследует таких евреев, которые занимаются политической деятельностью, кто причастен к партизанскому движению. В тех случаях, когда Рыббе устанавливал, что из колонны исчезал человек, он расстреливал всю колонну. Так была уничтожена колонна рабочих спиртзавода, тюрьмы, дома печати, и многие другие. Евреев, работавших в тюрьме, предупредили, что они не имеют права разглашать об ужасах фашистской тюрьмы. Они обязаны были сохранить в тайне все варварства, которые наблюдали. Для того чтобы изолировать их и не дать возможность общаться даже с евреями гетто, их поселили жить в бараках при тюрьме.

В мае 1943 года по приказу начальника тюрьмы Гинтера выстроили всех рабочих-евреев, раздели их догола, погрузили в машину, вывезли за город и там расстреляли. «Слишком много знали», – сказал Гинтер.

После этого он явился к Эпштейну с просьбой дать новых рабочих. Эпштейн, не говоря евреям правду о том, куда он их направляет, сказал, что посылает на «хорошую» работу. Собрал группу людей и отвел их в тюрьму. Через три недели их расстреляли.

Убивая евреев, Рыббе пришел к выводу, что надо покончить со стариками и детьми. Был отдан приказ еврейской милиции всех детей, не имеющих родителей, доставить на Биржу труда. Привели ребятишек: оборванных, голодных. Сюда попали и дети, у которых были родители. Это было дело рук милиционеров Киры Маркмана, Ильи Гинзбурга, Кагана Самуила. Детей отвезли в машине в тюрьму, а оттуда – на расстрел.

Шернер и Бунге старались перещеголять своего шефа: Шернер шел к рабочим колоннам и увидев, что мать ведет за собой на работу ребенка (матери после убийства детей боялись оставлять детей дома и таскали с собой на работу, нередко переносили их в мешках), подошел к машине, стащил шестилетнего малыша, кинул на мостовую, наступил сапогом на шейку, раздавил, растоптал сапогами и отбросил мертвого, изуродованного ребенка в сторону. После такого страшного злодеяния, он пошел и доложил об этом Бунге. Тот не хотел осрамиться перед своим заместителем и на следующий день пошел к рабочим колоннам, схватил 17-летнего парня, повел его на кладбище и там расстрелял. Вернулся к колонне, снова взял парня и повел в сторону кладбища, расстреляв на улице Сухой. Так гитлеровская культура XX века расправлялась с детьми.

Старики и безработные тоже были лишними для немецких фашистов. Под понятие «старик» могли подойти евреи любого возраста (25-ти, 30-ти, 40-ка лет), которые почему-то не понравились Рыббе, Михельсону, Шернеру, Бунге и даже Эпштейну. Безработными считались люди, не приходившие на работу по тем или иным причинам,

даже имеющие бюллетени, освобождающие их на 2-3 дня. 150 человек «безработных» и «стариков» были вывезены в тюрьму и расстреляны.

Гетто заметно таяло, с каждым днем уменьшалось количество его жителей. Оправдалось предсказание слущких евреев о том, что Рыббе прислан в город Минск для ликвидации гетто.

Рыббе, проводя свою политику, стремился к тому, чтобы правда о его мерзких делах не выходила за пределы гетто. Но скрыть ее он не мог. Несмотря на все усилия, правда о совершаемых им гнусностях доходила даже до немецких офицеров. В «Люфтваффе» работал немецкий офицер-инспектор Шульц. Он договорился с евреями, работающими у него, что вывезет их из гетто. Он посадил в грузовую машину 37 человек, вооружил их пулеметами, наганами, винтовками, захватил с собой радиоприемник и уехал вместе с евреями в партизанский отряд.

Разгул гитлеровских гадов продолжался. Следом за детьми, «безработными» и «стариками» настала очередь врачей.

В конце апреля 1943 года Рыббе отдал приказ: представить список врачей. Он был выполнен. Еще через несколько дней поступило новое распоряжение: все врачи обязаны явиться в юденрат. Никто, кроме Эпштейна, не знал, зачем нужны врачи.

Выстроили собравшихся врачей в колонну. Эпштейн заявил, что он их ведет в гетто немецких евреев, но повел он их в гестапо. В отдельном кабинете их принял Рыббе. Не долго длилась беседа. Они поняли, что хотел им сказать Рыббе, зачем он их собрал. Рыббе обратил внимание Эпштейна на то, что среди врачей есть пожилые люди, как доктор Пехман, инвалид доктор Канцевая (она хромала) и просил Эпштейна, чтобы он бережно к ним относился, осторожно вел их через город, чтобы они не уставали и не отставали. Всех поразила такая забота изверга, поразила, но и испугала. Он всегда был нежен перед погромами. Рыббе предупредил всех врачей, что они должны явиться в этот же день в 16 часов на еврейскую биржу труда. Пришли врачи. Их уже ждали Рыббе и Михельсон. Быстро разбил он врачей на группы: пожилых – Шмоткину, Канцевую; врачей по детским болезням – Саввина и Лев, врачей дома инвалидов, детского дома; большую часть врачей по лечению заболеваний внутренних органов, отоларингологов, стоматологов он отбирал отдельно. Его сторожевая собака Михельсон стоял у дверей, охранял выход и никого не впускал.

Отобранных врачей повели в бункер и, как только стемнело, послали за их семьями. Привели мужа Лев – Илинского (историка, научного работника) с двумя детьми, сына врача Шмоткиной, трех детей врача Савчик и многих других. К 5-ти часам утра собрали более 100 человек. До ухода рабочих колонн пришли Бунге и Шернер с отрядом

полицейских и повели колонну в тюрьму, где с людей сорвали одежду, избили и расстреляли. Еще одна группа врачей с семьями была уничтожена.

12-летняя дочь врача Савчик, когда ее вели к тюрьме, кричала: «Ничего, мамочка, смело иди, за нашу кровь отомстят».

На очереди стояли дом инвалидов и детский дом. В конце апреля 1943 года в ясную лунную ночь, в 23 часа, к большому двухэтажному дому, в котором жили дети, инвалиды и обслуживающий персонал, подъехали две машины: легковая и грузовая. Из грузовой машины вышли Рыббе и Михельсон и, подойдя к дому, указали на него. Сели в машину и уехали. Дом стоял на улице Заславской, на самой границе с русским районом. Целая свора фашистов выбежала из грузовой машины, перерезала проволоку и окружила дом. Детей и персонал хватили голыми из постелей и бросали в машину. Инвалидов, больных и маленьких детей расстреливали на месте. В течение одного часа «работа» была закончена. Грузовая машина с людьми уехала в тюрьму. Этих людей уже больше никто не видел, они погибли, как и многие другие десятки таких людей.

Сплошную кровавую лужу представляли собой квартиры: вывороченные внутренности, сгустки крови – все это заполняло дом. На осмотр пришли Бунге и Шернер полюбовались на дело своих рук и обнаружили несколько тяжелораненых женщин. Они их тут же добились.

Рядом с большим казенным зданием стояла маленькая хибара, где помещался изолятор детского дома. В нем было 30 больных детей. Всех больных детей расстреляли, а когда не хватило пуль, Шернер и Бунге заколотили кулаками оставшихся в живых детей. Эпштейн послал своих милиционеров убрать трупы.

На очереди была больница. В мае 1943 года туда пришел Рыббе. Он заинтересовался состоянием больных, попросил показать ему палаты. Через два дня, в ясную и теплую погоду, ровно в 12 часов жители гетто услышали выстрелы, доносящиеся из больницы гетто немецких евреев. Кинулись туда. Во дворе стояла большая черная машина-душегубка. Немецкие евреи рассказывали, что Миллер, Рыббе, Михельсон и еще четыре человека, одетые в цивильную одежду, с пулеметами под плащами явились к ним в больницу и детский дом. Там они расстреляли больных и детей.

Бандиты срезу же перешли в больницу русских евреев, окружили ее со всех сторон, но больные выпрыгивали со второго этажа. Несколько человек таким образом спаслись. Все остальные больные были расстреляны прямо в кроватях.

Персоналу больницы приказали убрать трупы, очистить все от крови и навести порядок с тем, чтобы к 16-ти часам больница была восстановлена и готова к приему новых больных. Рыббе подтвердил: «Погромов немецкие власти не проводят, но им нужны здоровые, а не больные люди».

Уничтожалось гетто русских евреев, подходило к концу существование гетто немецких евреев.

Негодяи рыскали по квартирам, заглядывая во все уголки, выискивая людей. «Чем занимаешься, где работаешь, работа тебе не по силам, дадим новую работу, пошлем в лагерь чистить картошку, – говорил Рыббе немецким евреям и добавлял: – Придешь с вещами к 2-м часам на Биржу».

Наивные люди думали, что Рыббе действительно предоставит им легкий труд, и просили разрешение брать с собой членов семей. Рыбе разрешал – «чтобы не разлучать близких людей».

Рыббе набрал 175 человек немецких евреев. К 2-м часам дня он пришел к Эпштейну, пообедал у него с вином и водкой, а затем ушел во двор и приказал всем еврейским милиционерам собраться и быть готовыми к «операциям», а до этого (время ему еще позволяло) он решил поразвлечься: захотел послушать концерт. Эпштейн услужливо предложил ему послушать игру на скрипке милиционера Остаха. В это время мимо проходил скрипач Варшавской, а затем Минской филармонии Барац. Он шел мимо гетто немецких евреев и видел, как евреи собираются по приказу Рыббе, и понял, что идет очередной погром. Неожиданно его остановил Эпштейн, подозвал к себе и представил Рыббе. «Не хотите ли послушать? Это прекрасный скрипач, он сыграет все, что вы захотите», – услужливо предложил Эпштейн. Напрасно уверял Барац, что он не в состоянии играть после двухлетнего перерыва, ничего не помогло, он вынужден был играть. Бледный, со слезами на глазах, играл Барац перед своими палачами... Когда концерт был окончен, Рыббе отпустил Бараца, собрал милиционеров и повел их в гетто немецких евреев. Через 10 минут собрали толпу людей с детьми и заперли их в бункер. Еще через несколько минут подъехала большая закрытая машина. В нее загрузили людей, милиционеры сопровождали их в тюрьму. Людей вывозили среди гробовой тишины. К этому времени в гетто уже возвращались рабочие колонны. Увидев, что в гетто идет погром, люди стали метаться. У ворот гетто они останавливались, но полицейские не разрешали стоять в русском районе, загоняли людей в гетто. К машинам подошел Рыббе, освободил их от рабочих и приказал подъехать к бункеру. Машины были загружены немецкими евреями и были отвезены в тюрьму. Там евреев принимали Рихтер и Менцель, они раздевали

их, обливали водой из насосов, всячески издевались над ними, а потом расстреливали. Погибли еще 173 человека.

Евреи задыхались на рабских работах, искали пути для выхода, чтобы скинуть ненавистные цепи. В поисках спасения гибли многие люди.

На «форфлегунсамт» работали 44 еврея: сапожники, портные, кузнецы, маляры. Среди них работал и коммунист Юра Реуцкий со своим приятелем Ильей Дукорским. Реуцкий часто говорил своим товарищам по работе, что жизнь свою он дорого отдаст, не выйдет живым из его рук тот гитлеровец, который руку поднимет на него. Для этой цели он себе сделал финский нож, который всегда он носил за собой. Работали на улице Долгобродской, а обедать (т. е. пить жиденский суп) ходили за хлебозавод, который находился на расстоянии нескольких кварталов. Однажды в обеденный перерыв Реуцкий встретился со своим старым знакомым, бывшим заведующим столовой Белгосстроя Савичем, который отрекомендовал себя патриотом советской Родины, сказал, что он связан с партизанскими отрядами, с проводниками. За деньги он брался достать большое количество оружия. Через два дня Реуцкий договорился встретиться с Савичем с тем, чтобы он дал окончательный ответ о количестве оружия и о проводнике. Обдумав предложение Савича, Реуцкий решил проверить его. Савич производил на него плохое впечатление. Предатель Савич опередил Реуцкого. Через два дня он пришел на «форфлегунсамт» со своим шефом Ковалевым и бандой работников гестапо. Ковалев быстро прошел в мастерскую. Савич стоял и наблюдал за ним. Остальные бандиты окружили дом. Ковалев приступил к обыску. Реуцкий понял причину посещения мастерских гестапо: он переглянулся с Дукорским. Тот прихлопнул дверь, а Реуцкий, выхватив нож, стал наносить им удары Ковалеву. Обливаясь кровью, Ковалев стоял. Подбежали гестаповцы. Реуцкого и Дукорского расстреляли на месте, остальных пытались задержать.

Рабочие Меховский и Зильберштейн крикнули товарищам: «Живыми не сдаваться, бежать, не плакать, не просить пощады». Бежали все, никого живьем не взяли, через заборы, изгородь люди. Только на третьем заборе враги настигли Мишу Белостокского и всадили в него 20 пуль. Среди рабочих был шестилетний мальчик Бляхер. И он бежал, но пуля догнала его.

Ковалев за борьбу с партизанами был награжден орденом железного креста.

Другое кровавое предательство произошло 8 мая 1943 года. Заведующий жилотделом юденрата Соломон Блюмин чем только мог оказывал помощь партизанскому движению. Когда парторганизация была разгромлена, и проводники, приходя из отрядов в гетто, попадали

в случайные руки, ему трудно было связаться с проводником и вырваться из гетто. При помощи одной своей знакомой по имени Сонька он связался с шоферами грузовых машин Ивановым и Кузьминым. Оба они работали в городе Минске в жилуправлении. Много раз встречался с ними Блюмин, разрабатывал план выезда из гетто без оформления документов. Блюмин хотел вывезти из гетто оружие, оставшихся коммунистов забрать с собой. Не желая знакомить с шоферами лишних людей, он с ними встречался лично.

Тяжело было Блюмину уйти в гетто. Все его знали, видный был. Своей внешностью он обращал на себя внимание. День выезда все же был назначен на 6 мая 1943 года. В гетто приехали машины, на которых должен был уехать Блюмин со своими людьми – душегубки с работниками гестапо (с Ивановым) въехали в гетто. В 6 часов утра был окружен квартал, где жил Блюмин. Гитлеровские убийцы знали, что Блюмин живьем не сдастся, а потому они пригласили с собой Эпштейна. Тот зашел в квартиру Блюмина, вызвал его, якобы для того, чтобы получить справку по жилотделу. Блюмин показался в дверях и на него посыпались удары прикладами. Он вздохнуть не успел, как упал оглушенный и окровавленный. Был без сознания, когда его связали и бросили в машину. Туда кинули его семью и всех жителей дома.

Три недели пытали Блюмина в гестапо, три черных и жутких недели он еще прожил. Все три недели днем и ночью с ним говорили, требовали выдать соучастников, связи, оружие. Молча страдал Блюмин, молча терпел он муки пыток, но ни слова, ни звука не сорвалось с его уст. Зверство и алчность потерявших человеческий облик профессиональных убийц были настолько велики, что они выбили золотой мостик зубов Блюмина и присвоили себе. Для того чтобы произвести впечатление на остальных евреев гетто, его посадили в машину (после того, как убедились, что от него ничего нельзя добиться), среди белого дня привезли на еврейское кладбище и расстреляли, бросив труп в общую могилу. С трудом опознали евреи своего Блюмина. Был он высоким, полным, здоровым, привезли его на кладбище маленьким, худеньким, беззубым. Евреи забрали труп Блюмина из общей могилы и похоронили с почестями в отдельной могиле.

Его тяжелая участь ни на одну минуту не остановила движения евреев. Не проходило ни одного дня, ни одной ночи, чтобы они не резали проволоки и не уходили в леса.

В июне 1943 года из отряда пришли проводники с требованием медикаментов и врача. Выбор пал на Анну Исааковну Турецкую – прекрасного врача, замечательного товарища и друга. Жители гетто ее ценили и уважали. Одно время она работала заведующей детским домом. «Наша

мамочка», «Наша Ньюта» говорили о ней с гордостью дети и работники. Красивая женщина, умница, она со всеми находила общий язык, в тяжелые минуты умела утешить, вселить бодрость и уверенность, зажечь луч надежды там, где казалось, что черные тучи мрака сомкнулись над головами людей.

Турецкая была счастлива тем, что ее зовут служить своему народу. Четыре раза пыталась Ньюта со своей группой выйти из-за проволоки. И каждый раз ее настигала неудача: то Эпштейн со своими прихвостнями охраняли проволоку, то немцы прогуливались кругом, то полицейские устанавливали новые посты.

Наконец в ночь с 16 на 17 июня 1943 года в 23 часа группа вырвалась. На расстоянии двух километров от гетто она столкнулась с Шернером, который вел отряд полицейских. Они шли проверять посты. Они накинулись на евреев как шакалы. Проводника убили, Турецкую ранили в ногу, остальные разбежались. Будучи ранена, Турецкая уползла и спряталась в яме. Три часа рыскали и искали ее бандиты. Нашли и повели в 5-й полицейский участок. Измучили, избили и бросили на каменные плиты участка. Истерзанная, истекая кровью, лежала Турецкая. Сутки мучил ее Шернер, спрашивая и по-русски, и по-немецки: куда шла, с кем, какое задание выполняла. Каждое его слово сопровождалось избиениями, удары сыпались на голову, плечи, раненую ногу. Шернер топтал ее сапогами. Анна Исааковна отвечала, что ее состояние не дает ей возможности понимать и отвечать на вопросы. Шернер понял, что ничего от нее не добьется. Утром он затащил Турецкую в машину и отвез на еврейское кладбище. Ее сняли с носилок и понесли к общей яме. Там Ньюта заговорила. На вопрос Шернер задал вопрос: «С кем была?». Она ответила: «Весь мой народ шел со мной. Именно их я спасаю. Ты убьешь меня, но от этого никто не пострадает, наоборот, после моей смерти еще больше людей убегут, еще сильнее будут ненавидеть тебя. Посмотри на свои руки. На них нет чистого места, они в крови. Сколько детей ты задушил? Я не боюсь тебя, весь наш советский народ отомстит за нас. Убивай». Собрав последние силы, Ньюта приподнялась, села, выпрямилась и спокойно ждала пули. Выстрелом из нагана Шернер убил ее. Ньюта скатилась с носилок в общую могилу, из которой евреи похитили ее тело и похоронили в отдельной могиле, украсив ее травами и полевыми цветами.

Оставшиеся в живых евреи Минского гетто никогда не забудут своей Ньюты.

С июня 1943 года начались изъятия рабочих колонн. Под видом посылки на работы на радиозавод 2 июня 1943 года собрали 70 женщин: 20 отправили на завод, а 50 – в гестапо. Там их построили. Рыббе,

окруженный гестаповскими офицерами, предупредил свои жертвы, что их погрузят в машину и повезут за город, где будут хорошо кормить. Подъехала машина и женщины увидели столь знакомую душегубку. Поняли женщины, что не на работу их везут, а на смерть. Кинулись бежать, но бежать из гестапо было трудно, многих расстреляли на месте, остальных силой погрузили в машину и умертвили газом. Только одна из женщин, Лиля Капилович, убежала, спрятавшись под машинами, стоявшими во дворе.

С этого времени началось систематическое изъятие рабочих-женщин. Рыббе обходил фирмы, где работали евреи, и брал всех на учет. После посещения Рыббе колонны исчезали одна за другой.

В начале сентября 1943 года в гетто немецких евреев явился Рыббе и отобрал 300 самых молодых и здоровых мужчин. Их погрузили в машины, как скот, и увезли. Через несколько дней тоже самое повторилось в гетто русских евреев: подъехали две машины, в них загрузили мужчин и вывезли в лагерь на улицу Широкую. Через несколько дней их увезли и оттуда.

12 сентября 1943 года немецким евреям было объявлено, что они должны быть готовы для выезда в Германию. Они готовились, спешно собирали пожитки, но вместо Германии 14 сентября 1943 года их погрузили в машины-душегубки и увезли.

Не стало гетто немецких евреев, опустели квартиры. Через несколько дней часть улиц гетто русских евреев отошли к русскому району. Уменьшилась территория гетто.

К 1 сентября 1943 года в гетто оставалась всего лишь кучка евреев. 21 октября 1943 года гетто было окружено гестапо. Людей опять грузили в машины и везли убивать. В тех случаях, когда в домах никого не находили, их взрывали гранатами в расчете на то, что люди, находящиеся в «малинах», будут убиты. «Малины» разыскивали с помощью собак.

Не стало Минского гетто. Погибли последние евреи. В Минском гетто не осталось камня на камне. Одни лишь развалины напоминали о страданиях и бывших муках, выпавших на долю еврейского народа, попавших под иго немецких оккупантов.

Так, на протяжении 2,5 лет постепенно уничтожались евреи. Из 75 000 евреев, оставшихся в Минске ко времени прихода фашистских зверей, до момента составления этого документа осталось не многим более 1000 человек. Эти евреи, несмотря на страшные репрессии, на угрозу смерти, которая поджидала их на каждом шагу, нашли способ вырваться из гетто и уйти в лес в партизанские отряды.

Уход евреев из гетто участился в апреле 1943 года. Были организованы: отряд им. Пархоменко в пуце и национальный отряд Зорина. Последний знал о страданиях в гетто, он сам перенес их. Он организовал семейный национальный отряд, систематически присылал проводников и брал к себе в отряд всех: стариков, женщин и детей. Отряд насчитывал 600 человек.

Некоторые евреи попали в боевые отряды. Каждый боец пылает ненавистью к общему врагу человечества, каждый из бойцов видит перед собой разгромленные города, сожженные деревни, обездоленных людей, осиротевших детей. У каждого кровоточат раны, и каждый из бойцов стремится нанести врагу самый сильный, самый смелый и жесткий удар.

Из лесов выходят партизаны рвать железную дорогу, значит... одна из самых важнейших артерий врага, эшелоны с боеприпасами, с техникой, с живой силой летят под откос.

Близится час слияния партизанских отрядов с Красной Армией.

Декабрь 1943 г.

Пуца (А.С. Мачиз)

Дополнение к воспоминанию Анны Семеновны Мачиз (Левиной) Домашний адрес: г. Минск, ул. Краснозвездная, д. 1, кв. 4

В августе 1941 года начинают собираться коммунисты гетто для отпора врагу, ищут друг друга. Находят, договариваются. По улице Островского, 54 собрались в первый раз. Распределили обязанности: бывший работник СНК Вайнгауз – обязан распространять листовки. К Judenрату стекались люди. «Найс, найс» – давайте (листовки, «новости»), давайте, давайте. Каждое слово с Большой земли подхватывалось и доносилось до каждого. Редактор листовок Вайнгауз погиб в погроме 20 ноября.

На упомянутом выше совещании постановили следующее.

1. Разбить паническое настроение.
2. Установить радиоприемник.
3. Систематически выпускать листовки.
4. Установить контакты с коммунистами русского района.
5. Установить связи с партизанскими отрядами.

Гебелеву поручили установить связи с коммунистами русского района. В «малине» гетто он прятал русских товарищей, которым грозила тюрьма. И в русском районе были созданы резервные квартиры, куда он приводил коммунистов – русских евреев. Изуверы хотели посеять

национальную рознь, а народ еще больше сплотился. В ответ на проiski врага советские люди еще сильнее сплывались.

В сентябре 1941 года была налажена связь с партизанским отрядом Быстрова. Этот отряд оперировал в восточных областях республики, оттуда пришли первые проводники.

Еврейский комитет (юденрат) был создан следующим образом. В первые дни оккупации захватчики остановили в городе 10 человек мужчин-евреев, завели их в Дом правительства и заявили: будете выполнять все наши распоряжения. За малейшее нарушение – расстрел. Председателем был назначен Илья Мушкин (бывший заместитель директора Минпромторга).

К 15 июля 1941 года закончилась регистрация евреев Минского гетто. Каждый обязан был носить желтую латку и на ней номер дома, в котором проживал.

На евреев была наложена контрибуция: золотом, серебром и дензнаками. Под руководством Мушкина (убит), Серебрянского (начальник милиции, повешен) была организована помощь партизанским отрядам: теплую одежду, меха, обувь, пишущие машинки, канцелярские принадлежности, белье, маскировочные халаты, носки (моя мать тоже вязала в подвале), бинты, медикаменты, даже хлеб, который пекли в пекарне гетто, которую охраняли полицейские, и все же удавалось вывезти отсюда. Все это переправлялось в партизанские отряды.

Роль И. Мушкина было тяжела: с одной стороны, он создавал видимость выполнения требований фашистов, а с другой – делал все от него зависящее, чтобы помочь партизанам.

Нашелся предатель, выдал Мушкина и Серебрянского. Погибли. В погроме 20 ноября погиб Вайнгауз (этот погром был продолжением погрома 7 ноября). «Недобрали» (так говорили гестаповцы) 7 ноября – так еще 7000 добрали 20 ноября. В это погроме погиб бесстрашный Вайнгауз – распространитель листовок, который был связан с русским районом. Он организовал регулярный прием по радио сводок для их распространения.

Территория гетто сокращалась. После погромов опустевшие квартиры уходили к русскому району. Вместо Вайнгауза был введен Пруслин – секретарь по пропаганде Ворошиловского РК.

В конце ноября 1941 года была созвана общая партийная конференция представителей еврейского гетто и коммунистов русского района. Представителем от гетто был Гебелев.

И. Мушкин был арестован в феврале 1942 года. Его выдали предатели Эпштейн и Розенблат. Мушкин был арестован, посажен в тюрьму. Его долго пытали, мучили. Убили при попытке к бегству.

С этого времени началась систематическая отправка людей в партизанские отряды.

Общая партийная конференция постановила партийную организацию строить по принципу десятков. Десятки образовывались по личному знакомству и рекомендации. Секретари десятков были связаны с уполномоченным своей зоны. Всего было четыре зоны. Гетто – одна из зон.

Благодаря связям с работниками из юденрата удалось расставить людей так, чтобы они попали на такие предприятия, где можно раздобыть оружие. Фельдман занимался поисками оружия. Его предали, но не знали, какого Фельдмана искать. Вновь назначенный председатель юденрата Иоффе никого не выдал. По-прежнему в рабочие колонны вливались люди, которые попадали на предприятия, где можно было раздобыть оружие.

С помощью работников юденрата и охраны порядка переводили людей в колонны «специалистов», чтобы пристроить их на предприятия. Был брошен призыв «Вооружайтесь!» Шла торговля у проволоки гетто, подкупались полицейские: за оружие (винтовки, револьверы, гранаты) платили часами, золотыми монетами, костюмами. Люди увереннее чувствовали себя с оружием, могли оказывать сопротивление, мстить заклятым врагам. Каменщик Михаил Рудицкий приобрел винтовку, портной Баум, работающий в мастерской при немецкой полиции, не расставался с большими ножницами и при удобном случае пускал их в ход.

Михаил Гебелев направился в русский район на совещание, на котором постановили создать широкую сеть партийных групп, куда как одна из зон было включено и гетто.

Партконференция фактически создала подпольный партийный комитет. Секретарем был «Славик». Уполномоченный ГК был Смоляр (в гетто он жил под фамилией Смоляревич), парткличка «Скромный».

Штаб-квартирой служила кочегарка еврейской больницы, где работал Смоляр. Туда приходили коммунисты, там обсуждались, принимались во внимание самые большие и острые вопросы.

Во главе десятков стояли: Наум Фельдман, Зяма Окунь, Надя Щуссер, ..нта Майзельс, Рольбин, Руденчик. Связистом с коммунистами русского района была комсомолка Эмма Родова. Перед десятками стояли следующие задачи.

1. Наметить людей для отправки в партизанские отряды коммунистов и военно-подготовленных людей.
2. Сбор оружия.
3. Материальная помощь теплой одеждой партизанским отрядам.
4. Сбор и отправка медикаментов.

5. Создание фонда помощи нуждающимся коммунистам. Связь с русским населением.

Главным образом голодали коммунисты, которые не выходили на работу. Благодаря связям с советскими людьми из юденрата, удалось расставить людей с наибольшей выгодой для борьбы с фашистами. Группа молодежи была послана на предприятия. Был выделен руководящий центр.

Гетто получило возможность отправить людей в партизанские отряды. Встала задача отобрать наиболее боеспособных, военно-подготовленных людей, энергично собирать оружие, медикаменты, подготовить врачей для отправки в отряды, создать фонд помощи умирающим от голода узникам гетто.

Из контрибуции, налагаемой на узников гетто, большая часть была передана в городской комитет для нужд партизанских отрядов.

Стоял вопрос о создании общегородской типографии. Раздобыли типографские шрифты, пишущие машинки, радиоаппаратуру, оружие. Все это было отправлено в отряды. Зяма Окунь занимался организацией подпольной типографии. Удалось вывести группу людей из концлагеря по улице Широкой. Они прибыли в отряд на телегах и лошадях и приваляли собой много нужных вещей. Сделали двойное дно для оружия и двинулись в направлении, где предположительно располагались отряды. Подъезжая к Кальварии, встретили Кудрякова (как патриота Родины) и он показал, где спрятано оружие. Выкопали из земли 13 винтовок и 4000 патронов.

Из гетто прибыла еще одна группа из 20 человек. Командир отряда приказал немедленно отправить в гетто за новой партией людей, сказав: «Кто хочет вести борьбу с кровавым врагом, должны идти в партизанские ряды».

А расстрелы 20 и 22 декабря на улицах города (Московской, Советской, Пушкинской) продолжались. Повсюду валялись трупы, убирать их не позволяли.

В гетто приходили посланцы из города, и, связавшись с людьми из юденрата, получали теплую одежду, обувь, медикаменты, мыло, деньги, пересылали вещи через городской комитет в партизанские отряды.

Была получена директива: объединить все боевые группы гетто.

В феврале 1942 года в гетто насчитывалось 12 десятков, которые переправляли людей в отряды. Миша Гебелев занимался налаживанием связей вне гетто, а Пруслин – организацией пропаганды.

Нина Лисс вела работу вне гетто, ее снабдили поддельным паспортом белоруски. Она формировала людей для отрядов.

Дипломатическим курьером была Хася Биндлер. Она поддерживала связи с юденратом.

Гебелева, Аня (фамилия не установлена), Клара Железняк – Горелик, Берта Либо. Через названных женщин Гебелев поддерживал связь с товарищами из русского района. Они наловчились в условиях страшного террора пробираться за проволоку и подбирать людей для отправки в отряды.

Миркин устроил людей из своей десятки на работу в немецкое учреждение, где раздобывали патроны.

Каган полностью вооружил (пистолетами, наганами) свою группу. У десятки Наума Брустина было полтора десятка гранат. Иосиф Мендель собрал арсенал оружия на кладбище. Фельдман покупал у немцев оружие и приносил на «склад» по улице Республиканской.

Рольбин в самом гетто на улице Зеленой закопал 6 винтовок и несколько сотен патронов. Установил связи с белорусскими товарищами. Валик Жительзей, Нонна Маркевич выкопали за проволокой гетто 30 винтовок и большое количество патронов. Их группа вышла из гетто при содействии белорусских товарищей Вити Рудовича и Коли Прищепкина. Они нашли и вырыли в районе Могилевского шоссе 540 патронов, пулеметную ленту, 2 гранаты. Был брошен клич всеми средствами раздобыть оружие.

Портной Абрам Гельман из склада немецкой полиции утащил новенький автомат.

Лайба Шафран на торфзаводе под городом Минском, где он работал, раздобыл пулемет «Максим».

Заполучить медикаменты помогали врачи Кулик, Минкин и др.

У проволоки был арестован не знавший страха и покоя Миша Гебелев. Он был расстрелян.

В один из отрядов прибыл совершивший побег из лагеря по улице Широкой, военнопленный Семен Григорьевич Ганзенко. Был создан отряд им. Буденного. Комиссаром отряда был Фельдман. Отряд влился в бригаду им. Сталина.

Было решено создать в гетто подпольную типографию. Приносили шрифты Миша Ароцкер, печатник Каплан, Лена Майзелис, Андрей Иванович Подопригора из русского района. Абрам Туник (был тяжело ранен в бою) оборудовал радиоприемник. Печатались и распространялись сведения о положении на фронтах. Эмма Родова, Давид Герцик, Дора Берсон, Нонна Маркевич слушали по радиоприемнику оперативные сводки и передавали их узникам в гетто.

Через Вовку (фамилия не установлена) искали связи с партизанскими отрядами в Радошковичском районе. Вовка нашел связи.

Щедлецкий – первый посланец из партизанского отряда. За свою деятельность был награжден тремя орденами и медалями. Для нас, попавших в гетто, было счастьем узнать, что партизаны ведут борьбу с кровавым врагом, с фашистами. А путь из гетто неизбежно вел в партизанские отряды.

Сбор оружия, медикаментов продолжался. Мы просили командование отрядов помочь вывести людей из гетто.

Отряды передвигались, и зачастую связь с ними была утеряна. Из трех отрядов (им. Фрунзе, им. Дзержинского и Сергея Лазо) образовалась бригада им. Фрунзе.

С 1 февраля 1943 года началось массовое истребление узников гетто.

Была налажена связь с бригадами им. Сталина, им. Чкалова, с отрядом им. Буденного. Командир Семен Ганзенко посылал детей, которые были в отряде, в гетто и они выводили людей из гетто.

12-летний Бенья (фамилия не установлена; пал смертью героя с кровавым фашизмом) вывел из гетто более 100 человек. Давидка Клионский 12 раз ходил в гетто и выводил людей. Фаня Гимпель выводила врачей, а те брали с собой медикаменты.

Партизанка отряда им. Кутузова Циля Клебанова 6 раз приходила из отряда в гетто и каждый раз выводила людей. В последний раз Циля Клебанова и Броня Гольдман направились в гетто, но никого уже не застали. Оно уже было ликвидировано фашистскими зверями.

Зверствам изуверов Рыббе, Михельсона, Бунге, Шернера не было предела: за кусочек немецкого хлеба, обнаруженного у ребенка – расстрел, за кусочек масла для ребенка – расстрел, латка не так пришита – расстрел. Несчастные дети выскальзывали из-под проволоки, пробирались в русский район, где их подкармливали, давали продукты с собой. Дети возвращались в гетто вместе с рабочими колоннами, но малышей их высмеивали и расстреливали.

Начальником биржи труда и еврейской милиции был назначен варшавский вор и пьяница Ефим Розенблат, который служил фашистской нечисти верой и правдой: выдавал коммунистов, выслеживал подпольщиков, шпионил. Много крови советских людей на его руках. Однако Рыббе отчего-то был им недоволен. Он убрал Розенבלата: отправил в тюрьму и там его расстреляли в феврале 1943 года.

На смену Розенблату Рыббе назначил Ефима Эпштейна. По словам Рыббе, он ему больше доверял. А он знал, кому доверять: Эпштейн со своей сворой, куда входили Элинка Гинзбург, Муля Каган, Мира Маркман, организовывал ночные погромы. Но и эти гады понимали, что недолго им властвовать. Их заманили в отряд, и приговор народа был единогласен: «Расстрелять!» Приговор был приведен в исполнение.

Вели переговоры и с Эпштейном. Но он не пошел в лес. Думал, изверги его пощадят. Ошибся.

Зверствовали при ночных погромах, окружали дом, требовали выдать Лосика (подпольщика), но его не оказалось дома. Он занимался тем, что скупал оружие из немецкого склада в Красном Урочище. Взорвали дом, а оружие, которое он достал, успели спрятать. Людей в одном белье выводили на улицу и там же расстреливали. 31 марта 1942 года оцепили квартиру, где жила Нина Лисс. Провокатор Тульский, М. Гебелев, Н. Фельдман укрылись в «малине», Ефим Столяревич – в больнице. 20 апреля 1942 года окружили дом по улице Коллекторной, где жил Наум Брустин. Он погиб вместе со всеми жителями этого дома.

Напали на след приемника. Забросали дом гранатами. Люди, живущие там, погибли, дом уничтожали.

Помимо отправки людей в партизанские отряды, был поставлен вопрос о диверсионной работе на предприятиях, где работали рабочие гетто. На заводе «Большевик» работали Лена Майзельс, Фаня Гурвич, Фаня Чепик, Лена Певзнер и другие. Они занимались порчей кожаных материалов, уничтожали части парашютов, выносили белье, рукавицы.

Мужская группа вынесла с завода несколько полевых телефонов. На фабрике «Октябрь» перед группой Зильберштейн, Шапиро, Гричанник, Сукеник и другими поставили задачу: затягивать с исполнением заказов, портить сырье и готовые материалы и расходовать как можно больше сырья.

Работающие на предприятиях сапожники набивали в подошвы огромное количество гвоздей. Такие сапоги невозможно было одевать. А работающие портные правые рукава вшивали в левые и наоборот.

Для гитлеровских головорезов в условиях тяжелой русской земли был нужен спирт, но люди, работающие на спиртзаводе, делали спирт таким образом, что фашистская нечисть, получая его на фронте, имела от него мало удовольствия.

Шульц (немец) вывез из гетто на машине 37 человек в отряд.

Была налажена связь с железнодорожниками, которые прятали на паровозах людей, уходящих в партизанские отряды. Их довозили до зоны отрядов. Таким образом вывезли свыше 500 человек.

Ставился вопрос о вывозе детей из гетто в детские дома, расположенные в русском районе, что частично удалось благодаря связям с советскими людьми из городской управы.

Врач детского дома Анна Турецкая, когда ее привезли на кладбище для расстрела, заявила: «Я не боюсь вас. Стреляйте! Наши придут

и отомстят за нас!» Расстреляли. Она скатилась в общую могилу. Оттуда ее труп похитили и похоронили в отдельной могиле.

По указанию командиров партизанских отрядов, дислоцирующихся в Налибокской пуще, узников гетто (стариков, женщин, детей) под разными предлогами вывозили в отряды. Был организован семейный отряд из 600 человек. Среди них образовалась боевая группа, которая воевала с врагом, уничтожала его на железке, на шоссе.

В другие отряды направлялись печатники, оружейные мастера, врачи, в том числе на работу в особый отдел в бригаду им. Жукова была направлена автор настоящих записок – Анна Мачиз – бывший следователь по важнейшим делам Прокуратуры БССР.

20.11.1981 г.

Первое воспоминание было написано в декабре 1943 г. в партизанском отряде.

На документе отмечено, текст подготовлен и записан в партизанском отряде в декабре 1943 г.

Учитывая оригинальность, важность и формат авторского материала при подготовке данного издания составителем и редактором он был оставлен без изменений. Комментарии и пояснения к тексту не представлены учитывая, что в многочисленных научных изданиях и литературе по истории Минского гетто имеются указатели по терминам и названным в публикации персоналиям и географическим названиям. Данный материал рассчитан на историков, специалистов и интересующихся вопросами истории Холокоста, германской оккупации, организации подпольного и партизанского движения на территории Беларуси (Примеч. - ред. К.К.).

РАЗДЕЛ 3. Публикации и документы

ПУБЛИКАЦИИ

Анна Мачиз

Такое мое счастье: в один день натолкнулась на обоих.

Серебрянский вынырнул из-за угла вместе со своими подручными и вырос передо мной. Бежать было поздно. Я обмерла. Хотя и знала, что он в гетто и такая встреча может произойти, внутренне оказалась к ней не готова. Единственно, не подала виду, что знаю его. Он тоже вздрогнул и отвернулся.

Зяма Серебрянский когда-то до войны жил недалеко от нас, наши матери были знакомы. И надо же случиться: я, следователь прокуратуры Белоруссии, участвовала в процессе над ним и его братом. Речь шла о растрате государственных денег. Братья пытались через мою маму уговорить меня помочь им избежать суда. Из этого, разумеется, ничего не вышло.

Освободился после отбытия наказания Серебрянский за пять дней до начала войны. В гетто он командовал еврейской службой охраны порядка, по малейшему поводу переходил на крик, размахивал палкой или плеткой – оружия ему и его «оперативникам» не полагалось. И вот ему-то я, коммунистка, бывший следователь, попалась на глаза.

Ладно бы этим день кончился. Так нет же. Увидел меня во дворе дома еще один тип, мною ранее судимый, и тоже за растрату – кассир Монисов. Его я, впрочем, опасалась куда меньше Зямы – возможности у него не те, мы с ним в одинаковом положении.

В доме у меня переполох, суета. Куда бежать от Серебрянского, где прятаться? Пока судили-рядили, пришла знакомая девушка, бывшая студентка юридического факультета, проходившая когда-то у меня практику. Отозвала меня в сторону: «Я к вам, Анна Семеновна, от Серебрянского. Просил передать – он ни в коем случае не злоупотребит своей властью, и если у вас возникнет нужда, чтоб дали ему знать, он поможет, ибо он советский человек и не собирается мстить».

Вот как обернулось. Уже позже узнала: Зяма был связан с коммунистами гетто, помогал партизанам, передавал в отряды одежду и оружие. Он сообщал людям, когда ожидаются «акции», и многие успевали прятаться. А злобный вид был не более чем маска.

А вот от Монисова натерпелась...

Шастал по домам, вынюхивал, всюду разыскивал меня. Каждую ночь вынуждена была скрываться в новом месте. Потом донес в СД.

Пришел запрос в юденрат: «Где находится Мачиз? Доставить ее в гестапо». Покопались в картотеке и отвечают: «В списках не значится». Дело в том, что я при регистрации в юденрате записалась девичьей фамилией.

Что происходило дальше? А дальше Монисов попал в облаву и погиб. Тогда я перестала прятаться.

Такое оно, гетто: люди остаются людьми, одни чтут понятие порядочности, другие на краю гибели пытаются счеты свести. Общая беда, конечно, сплачивает, но она же и разъединяет – правде надо смотреть в глаза. Кое-кто только о своей шкуре начинает заботиться. Низкие инстинкты наружу выглядывают...

«Он мог совершенно спокойно произнести во время обеда между супом и овощным кушаньем: я хочу уничтожить евреев в Европе. Эта война есть решающая схватка между национал-социализмом и мировым еврейством. Один из них будет уничтожен, но это определенно будем не мы». (Из воспоминаний о Гитлере нацистского преступника Шпеера).

В гетто продолжалась жизнь, вернее, не жизнь, а нечто такое, чему нельзя было дать определения, неволя особого рода, рождающая безысходность.

И, однако, многие стали задавать себе простой до очевидности вопрос: как себя вести, чтобы не быть уничтоженными? Сидеть сложа руки и ждать неизвестно чего, вздрагивая от каждого шороха, панически забиваясь в «малины» при малейшем намеке на появление немцев?

По одним данным, в гетто находились около трехсот коммунистов и комсомольцев, по другим – значительно больше. Разве дело в количестве... Иные всеми способами пытались скрыть довоенное прошлое. Таких ведь гестаповцы вылавливали и беспощадно уничтожали. Другие приглядывались, присматривались к окружающим, исподволь зрело сопротивлялись.

В самом конце 1942 года в Минское гетто прибыли 53 еврея из города Слуцка. Их привезли как «специалистов». Они рассказывали о постепенной ликвидации гетто в городе Слуцке и часто упоминали Рыббе – офицера гестапо, отличавшегося особой жестокостью.

А в начале января в гетто появились две незнакомые фигуры. На их одежде были отличительные знаки гестапо. Проходя по улице днем, они остановили женщину, обыскали ее, забрали найденные восемь марок и пошли дальше.

Навстречу им попала еще одна женщина с четырехлетним ребенком. Они остановили ее и спросили, почему она не на работе. Та предъявила справку об освобождении. Тогда те двое накинулись на нее, избili, потащили на кладбище и там расстреляли.

Возвращаясь с кладбища, встретили подростка лет пятнадцати с двумя поленьями. Спросили: «Откуда дрова?» От ответил: «На работе шеф дал». И его потащили на кладбище и там убили.

Зверствовали двое гестаповцев до вечера. Вернувшиеся с рабочими колоннами слущкие евреи опознали их: «Это Рыббе со своим переводчиком Михельсоном. Они начинают ликвидацию гетто».

Рыббе со своей сворой без устали носился по гетто, вламывался в дома. Это было еще хуже массового погрома: нашли немецкую булочку – расстрел, кусочек масла для больного ребенка – расстрел, географическую карту или советскую книжку – расстрел.

Именно Рыббе пришла в голову идея «карнавала». Возможно, она посетила его при осмотре колонн немецких евреев, весьма отличавшихся от местных. Нас «выжали» основательно, а те еще не потеряли человеческого облика.

Однажды Рыббе прошел вдоль колонн, возвращавшихся в гетто, и лично отобрал двенадцать самых красивых женщин, прибывших из Германии. Больше его «изысканному вкусу» никто не потрафил. К ним он добавил минчанку – Лину Ной.

Рыббе приказал собрать их завтра в десять часов у биржи труда и иметь там столько же еврейских «оперативников», помоложе и посимпатичнее.

В назначенный час он подъехал к бирже и приказал каждому молодому «оперативнику» взять под руку красавицу и медленным шагом, чинно, степенно пройти от биржи по улице Сухой. Кто-то застонал, понял – на кладбище.

И двинулись пары, одна за другой, словно на карнавал. Рыббе следил, чтобы не спешили и соблюдали интервал.

У ворот кладбища одна из женщин попросила разрешения попрощаться с мужем. Рыббе дал согласие. Тотчас послали за мужем.

Пришли на кладбище, остановились. Гестаповец приказал «оперативникам» раздеть женщин догола. Некоторые плакали, одна крикнула: «Я хочу жить!»

«Кавалеры, приглашайте дам на вальс, смелее, смелее... Обнимите их за талию, нежно и робко, начинайте...», – скомандовал Рыббе.

«Оперативники» повели женщин в танце. Рыббе напевал мелодию из «Венского леса», дирижируя правой рукой, в которой держал пистолет. «Оперативники» подхватили мотив, и пары закружили...

В это время доставили мужа женщины, желавшей с ним попрощаться. Вальс прекратился. Рыббе дал им возможность обняться, поцеловать друг друга и тут же приказал расстрелять мужа. Плач усилился.

Рыббе построил красавиц по отдельности, вынул пистолет и методично расстрелял. Достреливать помогал Михельсон.

Уходя с кладбища, Рыббе поднял чей-то лифчик. Повертел его и положил в карман. «На память о красивой еврейке», – улыбнувшись, бросил он на ходу.

...Рыббе постепенно ликвидировал гетто. Методично, пунктуально, со знанием дела.

С июня 1943 года начались изъятия рабочих колонн. На радиозаводе отобрали семьдесят женщин. Пятьдесят из них отправили в гестапо. Рыббе построил их на дворе и объявил: «Вас погрузят в машину и повезут за город на работы, где хорошо накормят». Подъехала машина. Женщины видят – «душегубка». Повинуясь инстинкту, разбежались кто куда. Но от гестапо не убежишь. Всех расстреляли, одной только Лиле Капелович удалось спрятаться.

Ликвидировали в спешном порядке остатки «гамбургских» евреев. Нарисовали им радужную перспективу возвращения домой, в Германию. Те собрали пожитки, далее – та же «душегубка».

Выход один – бегство в леса, где действуют многие десятки партизанских отрядов. Бежали все, кто еще мог держаться на ногах: стар и млад. С проводниками и без проводников. Бежали куда глаза глядят – только бы вырваться за постылую проволоку.

Групповой снимок: двое в штатском, остальные в кителях, у всех на груди медали, ордена. Губы чуть растянуты в намеке на улыбку: снимок делался, очевидно, в самом конце войны, и, как ни хотелось позирующим оставаться сугубо серьезными, приличествующими своему положению, губы невольно выдают радость. Комиссар отряда имени Лазо, комиссар 208-го отряда, комиссар отряда имени 25-летия БССР, командир диверсионной группы отряда им. Буденного, комиссар 106-го отряда... Ефим Столяревич, Борис Хаймович, Наум Фельдман, Владимир Кравчинский, Ефим Фейгельман. Все они – выходцы из Минского гетто.

На фотографию я наткнулся, знакомясь с многостраничным изданием, повествующим о концлагерях и гетто времен войны. Материала за годы гитлеризма накопилось изрядно, оттого издание такое пухлое. А увидело оно свет на немецкой земле, в ГДР. Не обойдено вниманием и Минское гетто – одно из самых больших на территории Европы.

Во многих отрядах сражались его узники, превратившиеся в мстителей. По крайней мере семь отрядов были созданы при прямом участии подпольщиков гетто. 106-й был сплошь еврейским.

Гай Давид. Девятый круг. С. 51–52, 79–81.

Из воспоминаний 1981 года бывшей узницы Минского гетто Анны Мачиз

...Сбор оружия, медикаментов продолжался. Стали просить командование партизанских отрядов помочь вывести людей из гетто, передвигались отряды, и часто мы теряли с ними связь. Выводили людей из гетто в основном дети, которым было легче пройти охрану. 12-летний Бенья (не установила фамилию) больше 100 человек вывел (пал смертью храбрых), Давидка Клионский 12 раз ходил в гетто и выводил людей, Фаня Гимпель выводила врачей, а те брали медикаменты с собой, 10-летний Леня Окунь, Циля Клебанова, Сима Фитерсон и много других. Все они были героями, т.к. их также выслеживали и расстреливали на месте.

НАРБ. (Цитируется по копии из архива Яд вашем. М-41 (2), л. 7.)

Равеснік вайны

У гэтым годзе Леаніду Цырынскаму споўнілася 70 гадоў. Праўда, вайна для яго – гэта хутчэй успаміны маці ды ўласныя сны: мінула гадоў дзесяць пасля перамогі, а яму ўсе сніліся немцы ў іх хаце.

– Кожны год маці дату 22 чэрвеня чакала з жахам. Яна баялася паўтарэння. Уявіце: маладая жанчына з месячным дзіцем на руках, і побач яшчэ шасцігадовая дачка, кругом вайна, а яна пешшу ідзе з Рудзенска ў Мінск, – распавядае Леанід Цырынскі. – Спачатку мы былі ў Рудзенскім гета, а калі даведаліся, што будзе пагром, сышлі ў Мінск. пасля мы сходзім з Мінска, маці дастае дакументы, што яна не яўрэйка. У моцныя вадохрышчанскі я маразы маці мяне, васьмімесячнага, нясе на руках, і мы так прыходзім у вёску Валокі. Як ёй не калаціцца, калі летам 1942 года яна, уцякаючы ад немцаў, лыткай наткнулася на ржавы дрот, тая рана ў яе не загойвалася да смерці. Можна ўзгадаць і пасляваенныя гады, калі яна адна працавала, каб пракарміцца самой і двум дзецям, і зарабляла 19 рублёў (батон тады каштаваў рубель 30, сітні хлеб – рубель 80). Пасля вайны, калі бралі на працу, трэба было запоўніць анкету, дзе знаходзіўся падчас вайны. Калі маці пісала, што знаходзілася на акупаванай тэрыторыі, яе не бралі на працу, і галоўнае – кім? Простым касірам. У нас цётка была юрыстам, дык навучыла, што трэба пісаць: знаходзіўся ў партызанскай зоне.

– А на вашу думку, вайна так і застаецца невядомай, нераскрытай? – цікаўлюся я.

– Не прынята было распавядаць пра яе, у сем'ях не гаварылі. Увесь жах той трагедыі, што адбылася, мы толькі зараз пачынаем разумець, і тое да канца не зразумеем. Маёй сястры, калі пачалася вайна, было

6 гадоў, яна бачыла, як дзіця білі галавой аб танк, яна зазнала ўсе жахі, і для яе вайна не скончылася. Я прынес ёй дакументы, якія трэба было падпісаць, каб атрымліваць кампенсацыю, як чалавеку, што хаваўся на акупаванай тэрыторыі (для яе, адзінокай, гэтыя грошы былі б нялішнія), але яна парвала дакументы, і ў нас табу на размовы аб вайне... І мяне здзіўляла, як пасля ўсяго, што перажыла Беларусь, на яе тэрыторыі з'яўляліся неафашысты.

Можа, каб гэтага не было, новым пакаленням трэба больш распавядаць пра вайну?

Сапраўдны твар вайны яшчэ трэба намаляваць.

Алена Дзядзюда // Звязда. 30 чэрвеня 2011 г.

ДОКУМЕНТЫ

Распоряжение полевой комендатуры о создании гетто в г. Минске

г. Минск

19 июля 1941 г.

1. С изданием настоящего распоряжения в г. Минске выделяется специальная часть города исключительно для расселения евреев.

2. Все еврейское население города Минска в течение 5 суток после оглашения настоящего распоряжения обязано переселиться в еврейский район. Если кто из евреев после истечения этого срока будет обнаружен вне еврейского района, то будет арестован и строго наказан.

3. Переселяемым разрешается брать с собой свое личное имущество. Лица, пойманные при вывозе или хищении чужого имущества, будут расстреливаться на месте.

4. Еврейский район ограничивается следующими улицами: Колхозный переулок, ул. Колхозная, река Свислочь, ул. Немига, исключая православную церковь, ул. Республиканская, ул. Шорная, ул. Коллекторная, Мебельный переулок, ул. Перекопская, ул. Низовая, Еврейское кладбище, ул. Обувная, 2-й Опанский переулок, ул. Заславльская до Колхозного переулка.

5. После окончания переселения еврейский жилой район должен быть обнесен каменной стеной и огражден от остальной части города. Стена должна быть воздвигнута жителями еврейского района. Для этого используется кирпич из нежилых и разрушаемых зданий.

6. Пребывание вне еврейского района мобилизованным в рабочие команды евреям запрещается. Рабочие команды покидают еврейский район только со специальным направлением к месту работы, выдаваемым Минской городской управой. За нарушение настоящего распоряжения – расстрел.

7. Вход и выход евреям в еврейский район разрешается только по улицам Опанского и Островского. Перелезать через стену запрещается. Немецкой охране и вспомогательной полиции отдан приказ стрелять в нарушителей.

8. В еврейский жилой район разрешается доступ лишь евреям и по служебным делам военнослужащим немецких воинских формирований и сотрудникам Минской городской управы.

9. На еврейский совет наложен заем в 30.000 червонцев на компенсацию расходов, связанных с переселением. Указанная сумма, процентный взнос которой будет урегулирован позднее, в течение 12 часов после

оглашения настоящего распоряжения должна быть внесена в городскую кассу управы по ул. Карла Маркса, 28.

10. Еврейский совет немедленно предоставляет жилищному отделу сведения обо всех оставленных евреями квартирах вне еврейского района, которые еще не заняты арийским (нееврейским) населением.

11. Порядок в еврейском жилом районе поддерживают специальные еврейские дружины порядка, приказ о создании которых будет издан в свое время.

12. За окончательное переселение еврейского населения в отведенный район несет ответственность еврейский совет города Минска. Всякое нарушение настоящего распоряжения строжайше наказывается.

Комендант полевой комендатуры города Минска

НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 937. Л. 6–7; Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2.

Из сообщения № 31 полиции безопасности и СД о создании еврейского совета (юденрата)

г. Минск

23 июля 1941 г.

Решение еврейского вопроса во время войны на этой территории кажется неосуществимо, так как при огромном количестве евреев решить его можно только путем переселения евреев. Однако чтобы создать на ближайшее время сносную базу, айнзатцгруппой «Б» везде, где она до сих пор осуществляла свою деятельность, приняты следующие меры.

В каждом городе был назначен временный председатель еврейского совета, которому поручено создать еврейский совет в количестве от 3 до 10 человек. Еврейский совет полностью несет ответственность за поведение еврейского населения. Кроме того, он незамедлительно должен начать регистрацию всех евреев, проживающих в населенном пункте. Более того, еврейский совет должен создать трудовые группы из числа евреев в возрасте от 15 до 55 лет, которые должны трудиться на разборке развалин города и на других работах для немецких учреждений и воинских частей. В таких же возрастах создаются и еврейские женские группы.

Так как немецкий солдат не всегда безошибочно может отличить евреев от нееврейского местного населения, в некоторых случаях возникли недоразумения, то повсюду отдано распоряжение, чтобы евреи – мужчины и женщины в возрасте от 10 лет и старше немедленно носили на груди и на спине одежды желтые нашивки.

Еврейский совет подчиняется временным городским комиссарам. На должности городских комиссаров были назначены надежные белорусы, подобранные и предложенные айнзатцкомандами.

Первоочередной и трудноразрешимой проблемой в связи с огромным количеством евреев является размещение их в гетто. Эта работа уже проводится. Совместно с полевыми и местными комендатурами уже подобраны пригодные для этих целей городские кварталы.

Хозяйственная жизнь с разрушениями и разграблениями на первых порах была парализована. Некоторые предприятия в Минске и в Борисове уже вводятся в строй. Сельское производство в связи с реквизициями и хищениями затруднено, отчего сильно страдает продовольственное снабжение населения. Деньги здесь пока не имеют значения, оплата производится хлебом.

С командующим тылом группы армий достигнута полная договоренность и единодушие в части обращения с партизанами и бывшими солдатами в гражданской одежде.

Начаты крупные операции с участием полиции безопасности и СД. Они будут проводиться беспощадно.

14.07.1941 г. уже сообщалось об уничтожении 4 234 человек. На 19.07.1941 г. число ликвидированных увеличилось еще на 3 386 человек.

НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 943. Л. 88–89. Перевод с немецкого.

Из оперативной сводки № 92 полиции безопасности и СД о проведении истребительной акции в Минском гетто

23 сентября 1941 г.

Белоруссия:

...Прочесывание гетто в Минске.

С привлечением полиции службы порядка и при помощи полевой жандармерии в гетто проведена крупная акция. Были арестованы около 2 500 евреев, в том числе женщин. Из них в течение 3-х дней всего подвергнуты экзекуции 2 278 чел.

Речь идет исключительно о саботажниках и еврейских активистах. Среди них, между прочим, находилось очень много тех, кто не носил на одежде предписанные отличительные знаки.

*НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1065. Л. 190; МКФ. Арх. № 175, К. 72379–72380.
Перевод с немецкого.*

Приказ № 24 коменданта Белоруссии об уничтожении евреев и цыган

г. Минск

24 ноября 1941 г.

...Евреи и цыгане: приказы № 9 от 28.09.1941, п. 6; № 11 от 04.10.1941 г. п. 2. в, № 13 от 10.10.41 г., п. 18. Как указано в приказах – евреи должны исчезнуть с лица земли, также и цыгане должны быть уничтожены. Проведение операций против евреев в более крупных масштабах не являются задачей частей дивизии. Операции проводятся гражданскими и полицейскими частями по приказу коменданта Белоруссии, если в ведение его будут переданы спецчасти... Небольшие группы евреев можно уничтожать или передавать в гетто, где затем они будут переданы гражданскому управлению или СД.

Барон фон Бехтольсхайм

НАРБ. Ф. 378. Оп. 1. Д. 698. Л. 32. Перевод с немецкого.

Из сообщения № 178 полиции безопасности и СД об антиеврейской акции в г. Минске

г. Минск

9 марта 1942 г.

Командир Гофман приказал с 1 по 3 марта провести в Минске и Койданово большую акцию против русских евреев обоого пола. Для сохранения в тайне намеченного мероприятия юденрату было сообщено, что 5000 евреев из гетто будут «переселены», они должны быть отобраны юденратом и собраны для отправки, каждый из евреев мог взять с собой багаж весом в 5 кг. Подлинная задача, стоявшая перед начальником полиции безопасности и СД, была сохранена в тайне. Когда утром 1 марта 1942 г. гетто было окружено, ни один еврей не был представлен юденратом к отправке. Поэтому были введены в действие команды для освобождения от евреев части гетто. Только после этого евреи были собраны и длинной колонной направлены на ст. Минск–Товарная. Многие не оставляли добровольно свои жилища либо постарались избежать отправки. По отношению к ним была применена сила, а некоторые из них были расстреляны на месте. После очистки гетто в домах и на улицах лежало много трупов, позже они были убраны. На станции люди были погружены в вагоны, которые затем были соединены в длинный состав, который был направлен в Койданово, местечко в 30 км юго-западнее Минска, на железной дороге Минск–Барановичи–Брест–Литовск.

На следующий день, 2 марта 1942 г., все подразделения полиции безопасности и СД направлялись для расстрела пассажиров поезда. Для акции вблизи Койданово было подготовлено много траншей. Вначале евреев выгрузили из вагонов, затем разделили на небольшие группы, и под охраной литовцев они были доставлены к траншеям. При этом применялась сила. Здесь им было приказано снять пальто и верхнее платье. Это было сделано для облегчения стрельбы. Затем евреям было приказано идти вдоль траншей, около которых стояли стрелки, вооруженные пистолетами. Команда стрелков насчитывала 10–20 человек. Каждый стрелок периодически выбирал себе жертву – при этом он приказывал человеку остановиться или останавливал его рукой. Если жертва находилась в удобной позиции, солдат стрелял ей в затылок. Если после выстрела человек не падал в траншею, его толкали в нее или вбрасывали туда.

Траншеи были столь широки, длинны и глубоки, что они, по меньшей мере, могли вместить многие сотни трупов.

Группы евреев, находившиеся вдали от траншей, слышали выстрелы и могли понять, что уже началась массовая экзекуция, жертвами которой должны были стать и они. Позже, когда они увидели траншеи и лежавшие в них трупы, по крайней мере взрослым, становилось ясно, что им предстоит. Многие бежали, кричали и плакали, большинство покорились судьбе без воплей и причитаний. Врача, который должен был констатировать смерть, не было. Однако обращалось внимание на то, чтобы пристреливать тех, кто еще шевелился, или если возникало подозрение, что кто-то еще не был убит.

В этот день не удалось расстрелять всех людей. Поэтому экзекуция была продолжена 3 марта 1942 г. Всего были убиты не менее 3 тысяч человек. Сколько из них были расстреляны 2 марта и сколько 3 марта – не было установлено, однако ясно, что были расстреляны не менее 1000 человек.

Согласно сообщению № 178 от 9 марта 1942 г. во время акции, проведенной в Минске–Койданово 2–3 марта 1942 г., были расстреляны 3412 евреев.

...Проведенная 03.03.1942 г. в Минске акция против евреев дала повод городскому населению предполагать, что в последующие недели будут произведены еще более крупные акции против евреев по всей Белоруссии.

Федеральный архив Кобленца 9кс/62. Дела юстиции и нацистских преступлений. Т. 19. Текущий № 552. Ксерокопия. Перевод с немецкого.

Из обзора комиссара криминальной полиции оберштурмфюрера Буркхардта о положении немецких евреев в Минском гетто

г. Минск

1942 г.

Особое место при решении еврейской проблемы занимают 7000 немецких евреев, доставленных в минское гетто. Эти евреи размещены в различных частях гетто и по желанию генерального комиссариата отгорожены от районов, где проживают русские евреи, ключей проволокой. И на сегодняшний день получилось, что немецкие евреи не только окружены проволочным ограждением, но отгорожены от русских, а в целом гетто еще не окружено проволокой.

Хотя среди немецких евреев меньше специалистов, но учитывая их знание языка и более культурный уровень, к ним нужно относиться мягче, чем к русским евреям. Интересны следующие данные, которые отражают картину живой жизни в немецком гетто: в гетто немецких евреев насчитывается 7000 евреев. Среди них 1800 человек работоспособных. Из них около 900 человек в настоящее время не могут быть использованы на работе из-за болезней, связанных с недоеданием. Болезни, в основном, следующие:

- 370 – дизентерия
- 102 – обмороживание
- 135 – гнойные раны
- 210 – конъюнктивное воспаление глаз
- 25 – воспаление легких
- 63 – грипп и ревматические болезни
- 30 – болезни мочевого пузыря.

Эти данные по состоянию на 31 декабря 1941 года. Аналогичные вышеприведенным заболевания и в гетто для русских евреев, с той разницей, что здесь процент заболеваний, по общему признанию, еще более высок.

Немецкие евреи в Минске особенно благодарны заботе, которую оказывает им господин главный комиссар гауляйтер Кубе. При посещении Кубе... в ноябре 1941 года гетто он узнал, что родственники некоторых из евреев сражаются на фронте. Заинтересовавшись этим, он обещал, что доложит об этом фюреру гетто для берлинских евреев.

Гауляйтер Кубе обратил внимание на внешность двух еврейских девушек, которые похожи на ариек. Он распорядился политическому руководителю установить личность девушек и выписать из гетто. Одна из них работала затем в генеральном комиссариате, совмещая работу стенографистки и парикмахера, при этом ей было разрешено ходить без

«звезды», чтобы не оскорблять чувства немцев, которые брились у нее и не раздражать их зрелищем еврейской «звезды».

Старейшина еврейского гетто был принят генеральным комиссаром и ему была предоставлена широкая возможность изложить свои жалобы. Перед этим его заместитель жаловался, что один из старых членов партии угрожал избить его, а то и пустить пулю в лоб. Многочисленные жалобы также поступали со стороны еврейского совета на гаутштурм-фюрера штаба СС и руководителей полиции, что они избивают евреев за неудовлетворительную работу.

Принимая во внимание неоднократные заявления еврейского совета о чрезвычайно плохом питании обитателей гетто, обсуждался вопрос о передаче снабжения и содержания вермахту, руководитель финансового отдела вермахта заявил при этом, что на фоне тех поставок продовольствия, которые имеет вермахт, содержание 7000 евреев не представляет никаких трудностей.

Большинство немецких евреев после прибытия в Минск полагали, что ехали сюда с целью колонизации восточных пространств. Но после того как их согнали в гетто, где они длительное время подвергались плохому обращению, распространились слухи, что их переселение – явление временное и после окончания войны им разрешат вернуться в Германию. Этой версии, которая облегчает им преодолевать повседневные трудности, придерживается большинство евреев, лишь незначительная часть явно представляет свое будущее, но не осмеливается говорить об этом вслух.

И в этой обстановке проявилась поразительная, свойственная евреям способность приспособливаться, которую они пытаются направить на то, чтобы несколько облегчить себе жизнь.

Так, например, брюнеры в условиях, насколько было возможно, организовали еврейское варьете, куда собрали относительно хорошие силы.

Из разговоров самих евреев можно заключить, что в гетто продолжается половая жизнь. Трудно сказать является ли это самоцелью или заботой о жизнестойком потомстве.

Большая скученность евреев в гетто на небольшом пространстве, естественно, создает благоприятную обстановку для распространения заразных болезней.

С наступлением ранней весны это необходимо учесть, так как гетто является очагом заразных заболеваний, откуда заболевания могут перебраться не только на белорусское население, но и на немецких граждан и армию.

Проведенная в январе 1942 года внутри немецкого гетто кампания шерстяных изделий дала следующие результаты:

пальто – 329
жакеты – 159
изделия из меха – 128
муфты – 300
меховые воротники – 2146
меховые шапки – 100
боа (воротники) – 440.

Уничтожение евреев в больших масштабах, если бы это и позволяли интересы экономики, в настоящее время из-за климатических условий невозможно: сильно промерзшая земля затрудняет рытье могил и их погребение.

Буркхард
оберштурмфюрер СС и уголовный комиссар

НАРБ. Ф. 1216. Оп. 1. Д. 3. Л. 253–261. Перевод с немецкого.

Протокол осмотра местности массовых захоронений в районе еврейского кладбища г. Минска

24 июля 1944 г.

Мною, врачом Мельниковой Евгенией Ивановной, в присутствии инженера-землеустроителя Минского ОблЗО Шафранского и местного жителя Иоффе произведен осмотр вышеуказанного места и обнаружено нижеследующее.

С южной и юго-западной стороны еврейского кладбища обнаружены 4 массовые могилы, расположенные при дороге, ведущей из центра города Минска на урочище Тучинка, в 2-х метрах от дороги. Причем три из них расположены параллельно дороге с юго-западной стороны и четвертая под углом к ним с южной стороны.

При обмере могилы оказались следующими:
первая могила длиной 18 метров и шириной 5 метров
вторая могила длиной 14 метров и шириной 5,5 м
третья могила длиной 15 метров и шириной 5,5 м
четвертая могила длиной 18 метров и шириной 6 метров.

При обследовании ближайшей местности обнаружить другие могилы не представляется возможным в виду застройки этой территории специальным сооружением. Наличие же других ям несомненно подтверждается свидетелями стройки, которые обнаруживали трупы в массовом количестве.

Государственный архив Минской области. Ф. 7021. Оп. 87. Д. 123. Л. 85.

Список публикаций о Минском гетто

1. Ад на Немиге: [О Мин. гетто] // Новая нар. газ. 1994. 1 июля. (№ 8–9). С. 4.
2. *Айзенштадт Г.* У Минского гетто нет «своего Евшушенко» // Евр. камертон. Прил. к газ. «Новости недели». 2001. 19 июля. С. 12.
3. *Антонова-Мельянович Т.* Территория боли // Труд. 3–9 марта 2005. № 36. С. 13
4. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское сопротивление, репатриация детей из Германии. Сост.: *З.Д. Никодимова*, под ред. *К.И. Козака*. Минск, 2010. – 150 с.
5. *Басін Я.* 2 сакавіка 1942 года: [Аб знішчэнні яўрэяў у Мінску] // Звезда. 1996. 5 сак. С. 11.
6. *Бейлина С.* [Письмо бывшей узницы Минского гетто] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись *Л. Коваль*: В 2 т. – Юрмала, 1993. С. 110.
7. *Ботвинник М.* «Каждую ночь немцы хватали людей...»: [О Мин. гетто] // Вечерний Минск. 1995. 14 марта. С. 5.
8. *Ботвинник М.* Памятники геноцида евреев Минска // *Ботвинник М.* Памятники геноцида евреев Беларуси. – Минск: Бел. наука, 2000. С. 11–29.
9. *Батвінік М.* Трасцянецкая трагедыя: [Аб Трасцян. лагеры смерці] // Голас Радзімы. 1999. 9 жн. (№ 32/33). С. 2.
10. *Брандобовская Л.* Родом из гетто: [О фильме о Мин. гетто «Яма. Я родом из гетто»] // Авив. 1999. № 6. С. 3.
11. *Буруштейн М.* Святая деревня Поречье: [Жители деревни в годы Великой Отеч. войны спасли 40 детей, бежавших из Мин. гетто] // Авив. 2000. № 10 (окт.). С. 1.
12. *Бурый М.* В тринадцать мальчишеских лет...: [О бывшем узнике Мин. гетто, юном партизане В. Рубежине] // Авив. 1998. № 6. С. 5.
13. *Вайц И.* Евреи Минска во время второй волны уничтожения // *Вайц И.* Катастрофа европейского еврейства: Ч. 7: Катастрофа евреев на территории Советского Союза / Открытый ун-т Израйля. [Тель-Авив], 2000. С. 103–109.
14. *Вайц И.* Ликвидация Минского гетто // *Вайц И.* Катастрофа европейского еврейства: Ч. 7: Катастрофа евреев на территории Советского Союза / Открытый ун-т Израйля. [Тель-Авив], 2000. С. 117–120.
15. *Вайц И.* Минск: еврейская община под властью оккупантов // *Вайц И.* Катастрофа европейского еврейства: Ч. 7: Катастрофа евреев на территории Советского Союза / Открытый ун-т Израйля. [Тель-Авив], 2000. С. 68–85.

16. *Василевская Д.* Пани Мария: [О М.И. Комаровской, спасавшей евреев в годы Великой Отеч. войны; г. Минск] // Авив. 2000. № 9. С. 4–5.
17. *Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / сост., предислов.: И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев.* Минск, НАРБ, 2008. –166 с.: ил.
18. *Гай Д.* Десятый круг: Повести. – М.: Совет, писатель. 1991. – 314 с.
19. *Гальбурт А.* Воспоминания. – Минск: Энциклопедикс, 2000. – 64 с.
20. *Гальбурт А.* Выживший в аду: незабываемое. – Минск, 2003.
21. *Гебелева С.* Таким был Михаил Гебелев: [Об участнике мин. подполья] // Авив. 1993. № 6 (окт.). С. 3, 6.
22. *Гебелева С.* Долгий путь к заветной улице.
23. *Гельцер Ш.* Редкая книга: [По материалам кн. воспоминаний Ю. Маковского «Wehrmachtgefolge», изд. в Польше в 1961 г: Страницы, посвящ. евреям Минска в период оккупации] // Евреи Беларуси: История и культура: Вып. 3-4. – Минск: Арти-Фекс, 1998. С. 181–186.
24. *Герстен Б.* Пока есть память: [Об открытии мемориала жертвам Холокоста в Минске 10 июля 2000 г.] // Авив.2000. № 7–8. С. 2–3.
25. *Гришкевич А.* Подвиг жителей Поречья // Пухавіцкія навiны. 23 верасня 2000. С. 2.
26. *Гуткович Е.* Женщина немецкого обер-лейтенанта: [Беседа о организатором побега евреев из оккупир. Минска Е. Гуткович / Записала М. Загорская] // Биржи и банки: Бел. деловая газ. 2000. 19 июля. С. 14.
27. *Давыдова Г.Р.* От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: Док. повесть. Минск: Четыре четверти, 2000. 232 с.: ил.
28. *Дзядзюля А.* Даніна пакутнікам: [Пра адкрыццё помніка ахвярам Мінгета] // Чырв. змена. 2000. 18 ліп. С. 6.
29. *Жива... Да, я жива!* Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и док. / Сост. М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман. Выпуск второй. – Минск, 2005. 258 с. +26 с ил.
30. *Жизнь и гибель Минского гетто* // Авив. 2003. № 10. 19 окт.
31. *Жукова М.И.* Война причиняет мне боль /под ред. К.И. Козака. Минск: И.П. Логвинов, 2010. – 212 с.
32. *Завольнер Г.* Жизнь, дарованная судьбой. – Минск, 2005.
33. *Завольнер Г.* Минское гетто: трудный путь к спасению // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. С. 182–190.
34. *Заглянувшие в смерть (дети – узники гетто)* // *Левин В., Мельцер Д.* Черная книга с красными страницами: (Трагедия и героизм евреев Белоруссии). – Балтимор, 1996. С. 343–414. В содерж. авт.: *Басин Я., Резник И., Ямин Ю., Левин (Новиков) И., Налибоцкий Д., Налибоцкий С., Ставицкая С., Давыдова Г., Липский Ф., Эпштейн Х., Крапина (Левина) М., Општейн Д.*

35. Из воспоминаний М.И. Левиной-Крапиной, узницы Минского гетто // Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. Минск, 1995. С. 154–156.
36. Известная «Неизвестная». Сборник материалов. Сост. и ред. Я.З. Басин. Минск, 2007. –138 с.
37. Иоффе Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945. Минск, 2003.
38. Иоффе Э. 800 дней борьбы и боли: [О Мин. гетто] // Веч. Минск. 1998. 21 окт. С. 5.
39. Иоффе Э.Г. Выжили, чтобы отомстить: [О евреях-партизанах, бывших узниках Мин. гетто] // Знамя юности. 1993. 22 окт.
40. Иоффе Э. Гетто: [О Мин. гетто] // Во славу Родины. 1991. 17 дек.
41. Иоффе Э. Гетто – территория борьбы: [О подполье в Мин. гетто] // Совет. Белоруссия. 1996. 29 окт. С. 4.
42. Иоффе Э. Гибель Минского гетто // Веч. Минск. 1993. 12 окт.
43. Иоффе Э.Г. Друзья называли Марию «Лилией»: [О Марии Калининой, спасавшей узников Мин. гетто] // Семь дней. 2000. 6 мая.
44. Иоффе Э. Живи и помни: [21–23 окт. 1943 г. фашистами было уничтожено Мин. гетто] // Совет. Белоруссия. 1998. 23 окт.
45. Иоффе Э. Еврейские беженцы из Польши в начальный период войны (1939–1940 гг.) // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў. Матэр. міжнар. навук. семінара 1 верасня 2003 г., Мінск. Адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. С. 27–31.
46. Иоффе Э.Г. Иностранцы евреи в Тростенецком лагере смерти / Под ред. М. И. Богдана. – Минск, 2000. – 28 с.
47. Иоффе Э. Их называли «зоринцами»: [О партиз. отряде № 106, где сражались бывшие узники Мин. гетто, и их командир Шоломе Зорине] // Совет. Белоруссия. - 2000. - 21 дек.
48. Иоффе Э. Кровавая трагедия: [О послед. погроме в Мин. гетто] // Мін. праўда. 1993. 21 кастр.
49. Иоффе Э. Отряд из легенды: [О партиз. отряде им. Кутузова, состоявшего из узников, бежавших из Мин. гетто] // Совет. Белоруссия. 2000. 18 нояб.
50. Иоффе Э. Погром: [О погроме в Мин. гетто 28–31 июля 1942 г.] // Веч. Минск. 1997. 29 июля.
51. Иоффе Э. Погром, самый страшный: [О погроме 28–31 июля 1942 г. в Мин. гетто] // Во славу Родины. 1993. 7 окт.
52. Иоффе Э.Г. Погромы в Минском гетто // Бел. нива. 1993. 22 окт., 26 окт., 27 окт.
53. Иоффе Э.Г. Просто Мария: [О Марии Калининой, спасавшей узников Мин. гетто] // Рэспубліка. 1998. 7 сак.

54. *Иоффе Э.Г.* Трагедия и героизм: [О Мин. гетто] // Во славу Родины. 1993. 27 окт.
55. *Иоффе Э.* Трагедия и героизм Минского гетто // Добры вечар. 1991. 21 кастр.
56. *Иоффе Э.* Трагические рейсы: [О Мин. гетто] // Мін. праўда. 1992. 11 жн.
57. *Иоффе Э.* Узник № 21: Судьба человека, родившегося в рубашке: [Об узнике концлагеря Тростенец Г. Канторе] // Рэспубліка. 1995. 21 лістап. С. 6.
58. *Иоффе Э.* «Это был кошмар, это был ад!»: [О Мин. гетто] // Веч. Минск. 1992. 31 июля.
59. *Иоффе Э.* Это было 2 марта [1942 года: О Мин. гетто] // Совет. Белоруссия. 1992. 29 февр. С. 1.
60. *Иоффе Э.Г., Дунцева М.* Лилия: [О М. Калининой, спасавшей евреев из Мин. гетто] // Имя. 1997. 5 сент.
61. *Иоффе Э.* Минское гетто: основные этапы истории // Мінскае гета 1941–1943.
62. *Иофэ Э.* Колькі гета было ў Мінску? // ЛіМ. 1998. – 10 крас. (№ 15). С. 4.
63. *Иофэ Э.* Самые страшэнны пагром: [1942 г.; Мін. гета] // Звезда. 1992. 29 с.
64. *Каждая Е.* Экскурсия в прошлое: [Евр. места Минска, в том числе связ. с Холокостом] // Мишпоха. 1999. № 5. С. 80–83.
65. *Казунина А.* [Воспоминания девочки, спасенной во время Великой Отечественной войны] // Книга спасения /Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. – Юрмала, 1993. С. 333–334.
66. *Капилов А.* Сестры – Валентина и Фаня: [О спасении девочки из Мин. гетто семьей Петрович] // *Капилов А.* Исчезнувшие миры: Повесть и рассказы. – Минск: Джейх-Сож, 1998. С. 76–85; То же: Авив. 1993. июль (№ 4). С. 1
67. *Каплан Г.* [Письмо бывшего узника Минского гетто] // Книга спасения /Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. Юрмала, 1993. С. 117.
68. *Карпилова А.Х.* Каждый выстрел отдавался в сердце: [Рассказ бывшей узницы Мин. гетто / Записал И. Резник] // Знамя юности. 1993. 2 февр.
69. *Кварт Ф.* Память нужна не мертвым, память нужна живым...: [О мин. гетто и его бывшей узнице Майе Крапиной] // Авив. 2001. № 4–5. С. 29.
70. *Кнатъко Г.Д.* Гибель Минского гетто. Минск, 1999. – 89 с.
71. *Кнатъко Г.Д.* История Минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца). Мінск, 2003. С. 37–60.

72. *Кнатъко Г.Д.* Минское гетто (июль 1941 – октябрь 1943) // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі Вып. II. Мінск, 1998. – С. 171–189.
73. *Кнацько Г.Дз.* Мінскае гета (ліпень 1941 – кастрычнік 1943) // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 4-я. Мінск, 2005. С. 100.
74. *Когда слова кричат и плачут: Дневники Ляли и Берты Брук.* – Мінск, 2004.
75. *Козак К.И.* Германский оккупационный режим в Беларуси: формы, методы и практика отношений с еврейским населением // Мінскае гета 1941–1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. Мінск, 2004. С. 14–20, 32–33, 38–46.
76. *Козак К.* Германский оккупационный режим в Беларуси и еврейское население // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. – Мінск, 2005. С. 23–59.
77. *Козак К.* Депортация евреев Германии, Австрии и Чехии в Минское гетто: практика германского нацизма в Беларуси 1941–1944 гг. // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. – Мінск, 2005. С. 109–164.
78. *Козак К.И.* Проблемы принуждения, плена и военнопленных в белорусской историографии: тенденции, формы, содержание и синтез // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны. С. 32–33.
79. *Коломенская И.* Дюссельдорф – Мінск: дорога смерти // Бел. деловая газ. 1998. 12 окт. С. 22.
80. *Крапіна М.* Таму, што шкадавала...: [Аповед мінчанкі, якую выратавала ў гады вайны жыхарка в. Парэчча Пухав. р-на Н.З. Хурс] // Мін. праўда. 1992. 11 ліп.
81. *Краснаперка Г.* Неўзарваныя міны памяці: [Успаміны пра Мін. гета] // Работніца і сялянка. 1994. № 7. С. 8.
82. *Краснапёрка Г.* Письмы маёй памяці. Мінск, 1984.
83. *Красноперко А.* Из книги «Письма моей памяти» // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись *Л. Коваль*: В 2 т. – Юрмала, 1993. С. 9–21.
84. *Красноперко А.* Напоминание... Предупреждение: [Воспоминания бывшей узницы Мин. гетто] // Авив. 1999. № 5. С. 5.
85. *Красноперко А.Д.* Стена ненависти: История Мин. гетто в рассказе очевидца // Моск. новости. 1993. 7 нояб. (№ 45). С. 10–11.
86. *Кроз В.* Я знала лучшую из людей...: [О М.К. Москаленко, спасшей В. Кроз в годы оккупации в Мінске] // Авив. 1999. № 7. С. 13.
87. *Кроз В., Чаусская-Ильшиова З.* Навечно в памяти: Минское гетто – и жизнь, и слезы, и любовь... Выпуск шестой. Отв. ред. *К.И. Козак*. Мінск: Историческая мастерская, 2007. - 70 с.

88. *Круглов А.* Истребление иностранных евреев в районе Минска в 1941–43 гг. // *Евреи Беларуси: История и культура: Сб. ст.: Вып. 3–4.* – Минск: Арти-Фекс, 1998. С. 155–163.
89. *Купрэва Г.* Мінскае гета: схаваная праўда // *Бел. мінуўшчына.* 1993. № 2. С. 46–51; № 3–4. С. 62–67.
90. То же // *Мишпоха.* 2001. № 9. С. 133–134.
91. *Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі.* Матэр. міжнар. навук.-практычнай канф. 10 лістап. 2004 г. Мінск. Адк. рэд. *В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак.* – Мінск, 2005. 316 с.
92. *Латидус А.* Нас мало осталось, нам много досталось: [Воспоминания бывшего малолет. узника гетто] // *Левин В., Мельцер Д.* Черная книга с красными страницами: (Трагедия и героизм евреев Белоруссии). – Балтимор, 1996. С. 431–450.
93. *Левин И.* [Письмо узника Минского гетто] // *Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. – Юрмала, 1993. С. 35.*
94. *Левина-Крапина М.И.* Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто. Минск, 2008. – 148 с.
95. *Левкова Е.* Девять месяцев под землей // *Мінскае гета 1941–1943 гг.* С. 189.
96. *Лейзеров А.* «Из фондов [Минского] гетто»: [По материалам арх. док. оккупац. властей] // *Авив.* 2000. № 7–8. С. 14–15.
97. *Липский Ф.* Кровавый дождь в июле...: [О погроме в Мин. гетто, 1942 г.] // *Знамя юности.* 1992. 1 авг.
98. *Липский Ф.* Герой и летописец Минского гетто: [Памяти Г. Смоляра, рук. сопротивления в Мин. гетто] // *Авив.* 1993. № 3. С. 15.
99. *Липский Ф.* Минское гетто: трагедия и героизм // *Авив.* 1993. № 6 (окт.). С. 4–5.
100. *Липский Ф.* Самые черные дни Минска: [Об уничтожении Мин. гетто в июле 1942 г.] // *Свободные новости.* 1998. 31 июля – 7 авг. (№ 28). С. 10–11; То же: *Здравый смысл.* 1998. 29 июля – 5 авг. (№ 31). С. 1, 3.
101. *Липский Ф.* Трудная жизнь: [Об участнике подполья в Мин. гетто Ароне Фитерсоне] // *Мишпоха.* 1996. № 2. С. 67–71.
102. *Лицкевич С.* Урок истории в сельской школе // *Советская Белоруссия.* 23 ноября 2000. С. 7.
103. *Майзель А.* О неизвестном письме Г. Смоляра Минскому подпольному комитету КП(б)Б: [О сопротивлении евреев на оккупир. территории, об участии бывших узников Мин. гетто в партиз. движении] / *Подгот. к печати Я. Басин* // *Евреи Беларуси: История и культура: Вып. 2.* – Минск: Арти-Фекс, 1998. С. 193–196.

104. *Майзлес Е.П.* Минск. Фашистская оккупация. Геноцид: [Воспоминания] // Актуальные вопросы государства и права: Науч. тр.: Вып.4. – Минск, 1994. С. 72–78.
105. *Марголина С.М.* Остаться жить. – Минск: Натако, 1997. –67 с.
106. *Марголина С.М.* Остаться жить. – Минск:
107. *Массер Ф.* Депортация и уничтожение евреев из Гамбурга: хронология событий // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Мінск, 2005. С. 102–106.
108. *Мехов В.* Свеча у могилы: [Памяти Г. Смоляра, рук. сопротивления в Мин. гетто] // Авив. 1993. № 3. С. 15.
109. Мінскае гета 1941–1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэрыялы міжнар. навук. канф., 24 кастрычніка 2003 г. Мінск /Адк. рэд. В.Ф. Балакірай, К. І. Козак. Мінск, 2004. –208 с.
110. Минское гетто: [По воспоминаниям бывших узников] // *Левин В., Мельцер Д.* Черная книга с красными страницами: (Трагедия и героизм евреев Белоруссии). Балтимор, 1996. С. 103–227.
111. Минское гетто / По материалам *А. Мачиз* и др.; Подгот. к печати *В. Гроссман* // Черная книга: О злодейс. повсемест. убийстве евреев нем.-фашист., захватчиками во временно оккупир. районах Совет. Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. под ред. *И. Эренбурга, В. Гроссмана.* – Вильнюс: Йад, 1993. С. 106–130.
112. *Млынский Б.* Страницы жизни времен Катастрофы. Б. м., 1998. – 101 с. [Воспоминания автора включают страницы о жизни в Минском гетто, о борьбе в партизанском отряде].
113. *Мушкин Илья Ефимович* // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 632–633.
114. ...На перекрестках судеб: Из воспоминаний бывших узников гетто и Праведников народов мира / Авт.-сост.: *О.М. Аркадьева, Л.Л. Геллер, Т.С. Курдадзе, Д.И. Русаковская;* Лит. обработка *А.И. Соломевич.* – Минск: Четыре четверти, 2001. – 240 с.: ил.
115. *Нисонс-Давыдова Г.* А боль души не утихает... // Добры вечар. 1993. 14 мая.
116. *Нордштейн М.* Девочка из бездны: [По материалам воспоминаний бывшей узницы Мин. гетто *Г. Р. Давыдовой*] // Авив. 1999. № 5. С. 15.
117. *Павлович Б.* Марк, который упал в колодец: [О Марке Шагалове, бежавшем из Мин. гетто] // Авив. 2000. № 9. С. 5.
118. *Пайкина П.* [Письмо бывшей узницы Минского гетто] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись *Л. Коваль:* В 2 т. – Юрмала, 1993. С. 74.
119. Праведники народов мира. Минск, 2004.
120. Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси [о Праведниках из Минска и бывших узниках Минского гетто] // Праведники

- народов мира Беларуси: живые свидетельства Беларуси / состав. К.И. Козак, М.И. Крапина и др.; под ред. В.Ф. Балакирева, К.И. Козака. Минск: И.П. Логвинов, 2009. – С. 81–157, 196-, 209, 213–230, 232–236, 237, 240–241, 245–246, 251–252.
121. *Раз Ц.* Операция «Сатурн»: [Об участии евреев в уничтожении Кубе] // Евр. камертон. Прил. к газ. «Новости недели». 1999. 25 марта.
 122. *Родзинский Г.* Дети гетто. Тель-Авив, 2004.
 123. *Розенберг Х.* Годы ужаса... и я остался жить, что бы тебе это все рассказать // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Мінск, 2005. С. 28–59.
 124. *Рубенчик А.* Правда о Минском гетто: Док. повесть узника гетто и малолет. партизана. Тель-Авив, 1999. – 192 с.
 125. *Руднер Б.* Дневник из Минского гетто (ноябрь 1941 – июнь 1942) // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны. Мінск, 2005. С. 202–219.
 126. *Руднер Б.* Записки из Минского гетто. Памяти Марты Крон, умершей 26 января 1942 года в 18 часов в Минском гетто. Рассказ о последних трех месяцах жизни (12.11.1941 – 26.1.1942) // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны. – Мінск, 2005. С. 220–225.
 127. Свидетели Катастрофы: Минск // *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000. С. 209–212.
 128. *Семенюк В.* ...И осталась неразделенной боль еврейского народа: [К годовщине трагедии Мин. гетто] // Нар. газета. 1992. 16 мая. С. 2.
 129. *Смиловицкий Л.* Сопротивление в гетто Минска // *Смиловицкий Л.* Евреи Беларуси: Из нашей общей истории: 1905–1953. Минск: Арти-Фекс, 1999. С. 190–209.
 130. *Смоляр Г.* Менскае гета: барацьба савецкіх габрэяў-партызан супраць нацыстаў. Мінск: Тэхналогія, 2002.
 131. *Смоляр Г.* Мстители гетто. М., 1947.
 132. *Смоляр Г.* Подпольный боевой центр в Минском гетто // Черная книга: О злодейс. повсемест. убийстве евреев нем.-фашист, захватчиками во временно оккупир. районах Совет. Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. под ред. *И. Эренбурга, В. Гроссмана.* – Вильнюс: Йад, 1993. С. 130–144.
 133. *Смоляр Р.* Антыфашысцкае падполле ў Мінскім гета (ліпень 1941 – жнівень 1942 гг.) / Уступ, арт., падрыхт. да друку, камент. *Э. Іофэ, Р. Платонава* // Польша. 1995. № 6. С. 208–244.
 134. Спасенная жизнь: Жизнь и выживание в Минском гетто / состав. *Балакирев В.Ф.* [и др.]. Минск: «Лимариус», 2010. -100 с.
 135. *Спришен С.* Черный обелиск: [История памятника на «Яме» в Минске] // Мезуза. 1997. № 1. С. 5.

136. *Справка Н.А. Косого о массовом истреблении еврейского населения Минска // Холокост в Беларуси. С. 192–202.*
137. *Ставицкая С. [О спасении из Минского гетто] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. – Юрмала, 1993. С. 292–295.*
138. *Суцвекер-Хайкина Ф. [Письмо бывшей узницы Минского гетто] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. – Юрмала, 1993. С. 129–130.*
139. *Торпусман Л. Наши девочки: [О Маше Брускиной и других героинях Мин. подполья] // Евр. камертон. Прил. к газ. «Новости недели». 1999. 26 авг.*
140. *Трейстер М. Минское гетто. Проблемы памяти // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. – Минск, 2005. С. 79–88.*
141. *Трейстер М. Проблемы памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis... Erinnerungen, Überlegungen und Publikationen. Отв. ред. К.И. Козак. Минск, 2007. –242 с.*
142. *Трейстер М. Проблемы памяти // Мінскае гета 1941–1943. С. 256–286.*
143. *Тукала С.М. Афармленне падпольнага арганізацыйнага цэнтра ў Мінскім гета (жнівень 1941 г.) // Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг./ сост. К.И. Козак. Минск: И.П. Логвинов, 2011. С. 78–82.*
144. *Тукало С.М. Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрынік 1943 года). Аўтарэф. на суіск. вуч. ступені канд. гіст. нав. Мінск, 2008. – 23 с.*
145. *Тукало С.М. Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрынік 1943 года). Аўтарэф. на суіск. вуч. ступені канд. гіст. нав. Мінск, 2010. – 25 с.;*
146. *Тукала С.М. Да гісторыі падполля ў Мінскім гета: структура, склад, арганізацыя дзейнасці і яе асноўныя накірункі // Мінскае павінна службыць людзям... : матэрыялы архіўных чытанняў «Р.П. Платонаў і пытанні архівазнаўства, археаграфіі, крыніцазнаўства і гісторыі Беларусі ХХ ст.», прысвеч. 75-годдзю з дня нараджэння Р.П. Платонава, Мінск, 14 снежн. 2005 г. / БелНДДАС; рэдкал.: У.І. Адамюшка [і інш.]. Мінск, 2006. С. 130–137.*
147. *Тукала С.М. Практыка і метады знішчэння яўрэйскага насельніцтва ў Мінскім гета // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 25-26 июня 2009 г.). Минск: Беларус. навука, 2009. С. 405–411.*

148. «У сваіх справаздачах я ніколі не паведамляў аб расстрэлах яўрэяў, а пісаў пра іх адсяленне альбо пераезд. Гэта быў наш умоўны шыфр...»: [Аб Мін. гета: Дак. архіваў КДБ] // Беларусь. 1994. № 8. С. 6–7.
149. *Хеккер Клара*. Немецкіе евреі в Мінском гетто. Отв. ред. *К.И. Козак*. Пер. с нем. *Г.А. Скакун*. Мінск, 2007. –154 с.
150. *Холокост в Беларусі. 1941–1944. Документы и материалы*. Мінск, 2002.
151. *Чарнаглазава Р.А.* Трагедыя яўрэйскага народа ў гады вайны (1941–1944): Мінскае гета // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Новыя канцэпцыі і падыходы: Усебел. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лют. 1993 г. У 2 ч. 4.1. – Мінск, 1994. С. 211–214.
152. *Шибалис М.* «Гетто – это была долгая Хатынь»: [Из воспоминаний минчанки М. Крапиной] // Рэспубліка. 1993. 2 сак. С. 6.
153. *Шибалис М.* Деревня-праведник – Поречье // Рэспубліка. 2000. 27 верас. С. 4.
154. *Шибалис М.* «Когда седеют дети...»: [Воспоминания узниц Мин гетто М. Крапиной, М. Радощковской, Ф. Рейзман] // Мишпоха. 1998. № 4. С. 70–71; Нар. газета. 1996. 1 лістап. С. 8.
155. *Шплихалова Я.* Терезен-Мінск – дорога смерці. Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. – Мінск, 2005. С. 107–108.
156. *Шыбека З.* 3 гісторыі тэрыторыі Мінскага гета // Мінскае гета 1941–1943. С. 76–78.
157. *Энштейн Б.* Женщины в сопротивлении Минского гетто // Женщины на краю Европы. Мінск, 2003. С. 188
158. *Judenfrei! Свободно от евреев!: История мин. гетто в док.* / [Авт.-сост. *Р.А. Черноглазова*]. Мінск: Асобны дах, 1999. - 395 с.
159. *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. New York, 1999.
160. *Deportation Bremen Juden nach Minsk. Gedenkveranstaltung aus Anlaß des 49. Jahrestages der Deportation Bremer Juden am 18. November 1941 in die NS-Vernichtungslager bei Minsk.* Bremen, 1991.
161. *Die jüdischen Opfer des Nationalsozialismus aus Köln. Gedenkbuch.* Weimar, Wien, 1995.
162. *Existiert das Ghetto noch?». Berlin, Hamburg, Göttingen, 2003.*
163. *Cholawski S.* The Jews of Bielorussia During World War II. Amsterdam, 1998.
164. *Corbach D.* 6.00 Uhr ab Messe Köln – Deutz Deportationen 1938–1945. Köln, 1994.

165. Es geht tatsächlich nach Minsk: Texte und Materialien zur Erinnerung an die Deportation von Bremer Juden am 18.11.1941 in das Vernichtungslager Minsk. Bremen, 2001.
166. Hamburger jüdische Opfer des Nationalsozialismus. Gedenkbuch. Hamburg, 1995.
167. *Kagan J.*, Orte der Vernichtung in Belarus: die Geschichte des Vernichtungslagers Trostenez und des Ghettos Minsk. Dortmund, 2003.
168. *Kohl P.* Schöne Grüße aus Minsk. München, 2001.
169. *Krasnoperko A.* Briefe meiner Erinnerung. Mein Überleben im jüdischen Ghetto von Minsk 1941/42. Haus Villigst, 1991.
170. *Loewenstein K.* Minsk, im Lager der deutschen Juden. Bonn, 1961.
171. *Mosel W.* Wegweiser den ehemaligen jüdischen Leidensstätten der Deportationen von Hamburg nach Minsk. Hamburg, 1995.
172. Namen und Schicksale der Juden Kassels 1933–1945. Kassel, 1986.
173. *Gartenschläger U.* Die Stadt Minsk während der deutschen Besetzung (1941–1944). Dortmund, 2001.
174. *Gavi J.* Young hero of the Minsk Ghetto. Paducah, 2000.
175. Überleben im jüdischen Ghetto von Minsk. Das nationalsozialistische Programm der Ermordung der Juden Europas aus der Perspektive eines Überlebenden im Ghetto der weißrussischen Hauptstadt Minsk. Eine Arbeitshilfe für Schule und Erwachsenenbildung. Materialien und didaktische Anregungen. Dortmund, 2005.
176. Orte der Vernichtung in Belarus: die Geschichte des Vernichtungslagers Trostenez und des Ghettos Minsk. Dortmund, 2003.
177. «Röhrenkind» von damals hat heute viele liebe Freunde in Deutschland // Westfälische Rundschau. 2001.
178. *Smolar H.* The Minsk Ghetto. Soviet–Jewish Partisans Against the Nazis. New York, 1989.
179. *Rosenberg H.* Jahre des Schreckens. ...und ich blieb übrig, das ich Dir's ansage. Göttingen, 1985.

См.: История Холокоста на территории Беларуси. Библиографический указ. / Сост. И. П. Герасимова, С. М. Паперная. Витебск, 2001. С. 32–42.

Подготовил к печати Кузьма Козак

Анна Мачиз (посередине) с братом Савелием и мамой Фридой

Анна Мачиз. Минск, 1926

Анна Мачиз. Минск, 1927

Мама Фрейда с дочерью Анной, брат Савелий (стоит), Анна Куте

Анна Мачиз (в центре) с подругами Мусей, Ньюрой и Идой. Минск

Анна Мачиз. Минск, 1929

Савелий – брат Анны Мачиз.
г. Орехов, 1941

Анна Мачиз. Минск, 1944

Герш Смоляр

Минское гетто 1941–1943

Зяма Серебрянский

Михаил Гебелев

Роза Липская

Матвей Пруслин. Минск, 1939

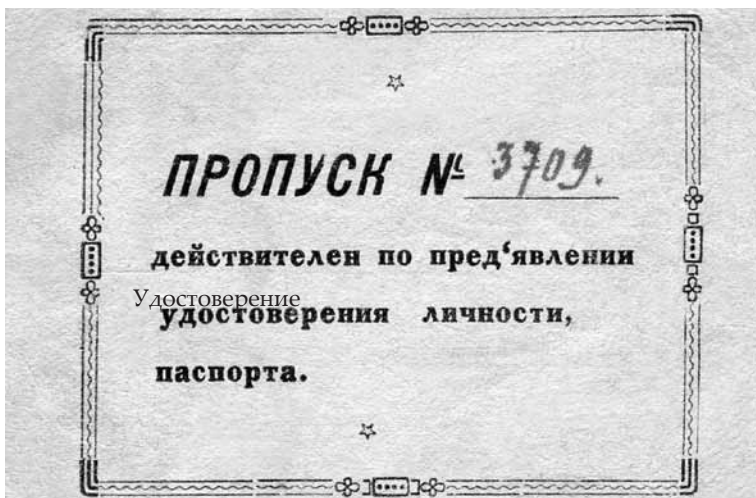
Хася Пруслина. 1942

Временное удостоверение Анны Мачиз. 1944

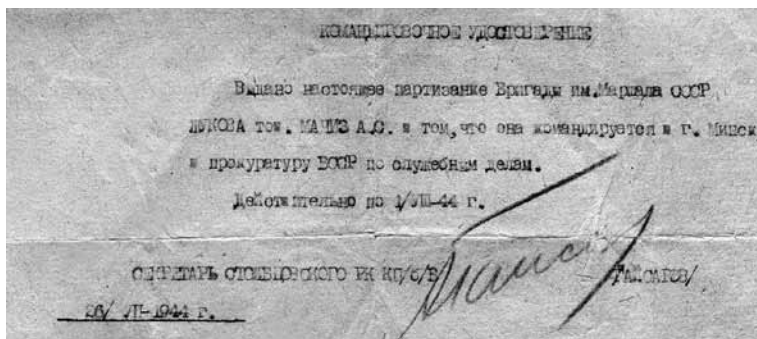
Памятник на месте последнего боя 106-го еврейского партизанского отряда

Пропуск Анны Мачиз. Минск, 1945

Удостоверение работника прокуратуры БССР Анны Мачиз. 1945

Командировочное удостоверение Анны Мачиз – партизанки
бригады им. Маршала СССР Жукова

Анна Мачиз. Минск, 1946

Фельдам Борис – сын Сары Левиной
и комиссара отряда Наум

Леонид Цыринский, Леонид Фрид, Соня Цыринская. Минск

Брат Савелий Мачиз с супругой Басей. 1948

Друзья и коллеги Анны Мачиз (Роза Липская – первый ряд)

Отдел писем газеты Зорька (Анна Мачиз первая во втором ряду)

Ана Мачиз с супругом
Исааком Левиным на отдыхе. 1954

Евгений – сын Анны Мачиз.
Минск, 1952

Анна Цыринская с внучкой Мариной
и сыном Леонидом. Минск

Анна Цыринская с внучкой Мариной.
Минск, 1968

Леонид Цыринский.
Минск, 1957

Племянница Софья Цилинская.
Минск, 1958

Я, Лейла Сарра Левиной (уроженка из Вильнюса), член КПСС, зная тов. Лейлу Вану Селимовну (рожденная Вангу) с 1949 года в добровольной форме в помощь бригаде против литовских захватчиков.

Подтверждаю, что Чиряцкий Леош, Абрахам - единственныя писатели Лейной с теми же сестры, как и она сама, которые для издательства Анна Селимович, которых его воспитывала, читала, изучала, организовала и писала.

7. Имя: 27-го января 1974. С. Селимович,
Берег писательница республиканского значения.

Подпись Лейлы С.С. Левинской
Фирменная Л.С.Л. Мачиз

Подтверждение Сарры Левиной. 1974

- 10 -

Третий детское имя Анна Куреша, когда не пришла на кинофильм для режиссуры, вложил "и не боясь нас. Организатор Наш придет и отстоит за нас!". Режиссура. В конце концов выключили. Поставили ее три на одной неделе и поворота в отдельной комнате.

По указанию командиров партизанского отряда, дислоцированного в Нахолодской думе, ушедшей тогда под разным предлогом выехали в сторону отряда, лавины, дата. Организаторы составили отряд в 600 человек. Отряд наш образовалась боевая группа, которая вела борьбу в лесу, когда не хватало, но шоссе, уничтожили против.

В другие отряды направлялись летчики, бригады инженеров, бригады, и тем членам был направлен в бригаду м. Кучино на работу в особый отряд автор выходящих листов - Иван Анна — о. специалист по важным делам Прокуратуры 2007.

30.11-1981 Г. Парос выполнявшие было выдано в декабре 1943 Г. партизанском отряде. *Л. Мачиз*

.....страницы

С. С. Л.

Писательница Анна Селимович (уроженка из Вильнюса) член КПСС, зная тов. Лейлу Вану Селимовну (рожденная Вангу) с 1949 года в добровольной форме в помощь бригаде против литовских захватчиков.

Подтверждаю, что Чиряцкий Леош, Абрахам - единственныя писатели Лейной с теми же сестры, как и она сама, которые для издательства Анна Селимович, которых его воспитывала, читала, изучала, организовала и писала.

7. Имя: 27-го января 1974. С. Селимович,
Берег писательница республиканского значения.

Подпись Лейлы С.С. Левинской
Фирменная Л.С.Л. Мачиз

Вся была в лесу, партизанский отряд, дислоцированный в Нахолодской думе, ушедшей тогда под разным предлогом выехали в сторону отряда, лавины, дата. Организаторы составили отряд в 600 человек. Отряд наш образовалась боевая группа, которая вела борьбу в лесу, когда не хватало, но шоссе, уничтожили против.

В другие отряды направлялись летчики, бригады инженеров, бригады, и тем членам был направлен в бригаду м. Кучино на работу в особый отряд автор выходящих листов - Иван Анна — о. специалист по важным делам Прокуратуры 2007.

30.11-1981 Г. Парос выполнявшие было выдано в декабре 1943 Г. партизанском отряде. *Л. Мачиз*

Страницы дневника Анны Мачиз. 1943

Удостоверение Анны Левиной

Удостоверение партизанки Анны Левиной-Мачиз

У памятника Праведникам д. Поресье. 2011

Анна Мачиз. Минск, 1986

Леонид Цыринский. Минск, 2010

Леонид Цыринский и Роман Кулик
у памятной доски подпольщи

У памятного знака погибшим евреям
Руденска внук Алексея К.

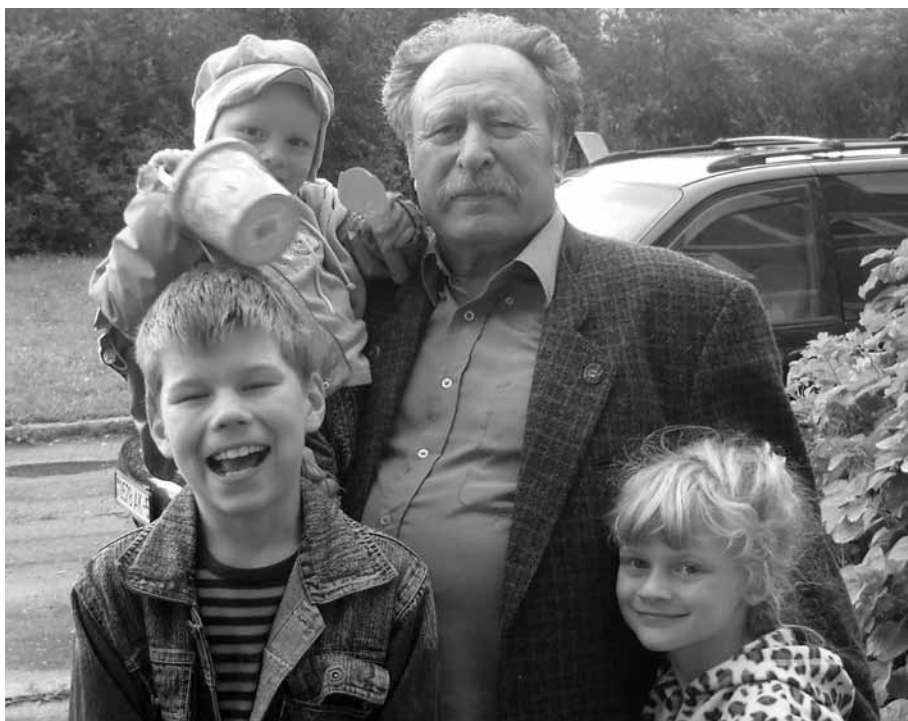
Бывшие узники Минского гетто в День Памяти. Историческая Мастерская

Леонид Цыринский у памятника жертвам Минского гетто. 2011

Кузьма Козак и Леонид Цыринский в работе над рукописью

Леонид Цыринский с внуками Вадимом, Марком и Миланой

В день 100-летия Анны Мачиз. Леонид Цыринский, проф. Э.Г.

Создатели книги Элеонора, Марина, Дмитрий Цыринские.
Историческая Мастерская

Анна Мачиз. Минск, 1975

Издание подготовлено и издано при финансировании:
семьи Леонида и Цыринских
Михаила Трейстера – председателя Белорусского общественного объединения бывших
евреев – узников гетто и концентрационных лагерей

Научное издание

**Анна Мачиз: свидетельства трагедии
и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг.**

Составитель Леонид Цыринский

Под редакцией К.И. Козака

В авторской редакции

Подписано в печать 00.00.2011. Формат 70х100 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 00,00 Уч.-изд. л. 00,00.

Тираж 200 экз. Заказ 0000.

Издатель ИП Логвинов И. П.
ЛИ № 02330/0494468 от 08.04.2009.
Пр. Независимости, 19-5, 220050, г. Минск.

Типография ОДО «НоваПринт».
ЛП № 02330/0552786 от 25.02.2009.
Ул. Геологическая, 59/4, 220138, г. Минск.